

**Научные труды
историка, краеведа
Габдуллина
Ильдуса
Рашитовича**

К вопросу об этносословной эволюции тюркского населения Уфимского уезда (губернии) в XVII – XIX вв.

В преддверии всероссийской переписи населения

В последние годы на страницах периодической печати, в работах ученых Уфы и Казани самое пристальное внимание стало уделяться истории и демографии северо-западного и западного регионов современного Башкортостана и восточных районов Татарстана. Среди вышедших в последнее время книг, можно выделить труды А.З. Асфандиярова, И.М. Габдрафикова, Д.М. Исхакова, М.В. Мурзабулатова, Д.Б. Рамазановой, М.И. Роднова, Ф.Г. Сафина.

В чем же причины столь повышенного внимания историков к данной территории. Мне, как уроженцу западной части Башкортостана (мои предки со стороны отца являлись башкирами – вотчинниками Кыр – Иланской волости и проживали в дер. Нижние Карьявды), представляется, что вопрос этот в основном упирается в итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Как известно, по результатам этой переписи по сравнению с предшествующей переписью 1979 г. произошло значительное уменьшение численности башкир (на 130,5 тысяч человек), и соответственно увеличение численности татар (на 122,1 тысяч человек). Результаты этой переписи учеными объясняются неодинаково. Так, уфимский этнолог И.М. Габдрафиков отмечает, что «столь ощутимая ассимиляция башкир татарами за 10 лет едва ли возможна» (1). Другую же позицию в анализе результатов переписи 1989 г. занял председатель Исполкома Всемирного курултая башкир Н.А. Мажитов. По его мнению, к виновникам «искажения исторической действительности» должны были бы быть приняты меры. Правда, не уточняет какие именно. Получается, что все мы, по своему разумению и пониманию, высказавшиеся переписчикам о своей «татарскости» по теории вероятности могли бы быть наказаны.

Помимо этого, в работах многих башкирских ученых красной нитью проходит тезис о делении единого татарского этноса на ряд народов – мишарей, тептярей, тюменцев, собственно татар и татар – кряшенов. В непререкаемый постулат возведены материалы переписей 1897 и 1917 гг.

Касаясь самоидентификации народов, московский историк С.М. Исхаков уже указывал, что «самоназвание народа может отражать как низкий уровень идентификационного процесса, так и, напротив, активные модернизаторские усилия, направленные на то, чтобы «стать самим собой» среди других» (2). Именно с низким уровнем самоидентификации можно связывать частую смену самоназвания различных групп населения Урало-Поволжского региона как во второй половине XIX – начале XX вв., так и в более ранний период. Главным, как для самого населения, так и для местной администрации являлся не национальный, а сословный признак, подразумевающий и фискальные повинности той или иной группы населения.

Зададимся же вопросом о том, каким же было население северо-западного и западного регионов Башкортостана в XVI – начале XX вв.

Здесь в первую очередь следует выделить то автохтонное население, которое проживало здесь в XVI – начале XVII вв. В официальных делопроизводственных документах это население обычно именовалось «башкирами», «башкирцами». В то же время само население этих регионов еще помнило и называло себя вплоть до конца XIX в. и иначе: «иштяки», «булгарские иштяки» и «булгары».

Известно, что в XV – XVI вв. территория нынешнего Башкортостана входила в состав двух государственных образований – Казанского ханства и Ногайской Орды. При этом основная часть территории будущей Казанской дороги Уфимского уезда входила в состав

«Беловолжской земли» Казанского ханства (на 1469 г.) (3), а позднее, в XVI в., в Ногайский юрт того же ханства. В это время – в XVI в. – территория Ногайского (Мангытского) юрта была как бы под двойной юрисдикцией Казанского ханства и Ногайской Орды. При этом местное ясачное население выплачивало ясак как казанским ханам, так и «выход» Ногайской Орде (4). Это положение сохранялось вплоть до ухода ногайцев с территории Приуралья в 1630-е гг. Платеж местным населением ясака, как русской администрации, так и ногайским владельцам зафиксирован и в русскоязычных источниках. Так, в грамоте датированной 1643 г. говорится, что «ногайские мурзы ... от Уфы кочевали днищах в трех и в четырех и менши по Деме и по Уршаку рекам». Далее отмечается, что при царях Федоре Ивановиче, Борисе Годунове и Василии Шуйском ногайцы «Уфинсково уезду з башкирцов имали ясак лисицами и куницами и бобрами и всякою рухлядью» (5).

По преданиям башкир дер. Кучербаево Стерлитамакского уезда всю западную часть Уфимской губернии, включая сюда и Мензелинский и Бугульминский уезды, до присоединения к русскому государству занимали ногайские племена (6). Родоплеменной же состав башкир Казанской дороги находит свои параллели и среди ногайских татар, большая часть которых покинула территорию Приуралья в 1630-е гг. Таковыми (идентичными) можно назвать племена керейт (у башкир гарей), канглы (канглы), кыпчак (кыпчак), мин (мин), байулу (байляр) (7). Одним словом, племена Ногайской Орды и последующих ее производных равнозначны племенам, населявшим северо-западную и западную Башкирию. При этом, такие родоплеменные объединения как байляр, елан, дуваней, шемшадин, юрми, иректе, кубов ранее являлось подразделениями более крупных объединений. Здесь может возникнуть вопрос: не противоречит ли данная трактовка тезису о том, что население данного региона и отдельных родоплеменных объединений изначально являлось «булгарским»? Мне кажется: отнюдь нет. Для ответа на данный вопрос необходимо проанализировать политику русской администрации по отношению к коренному населению в Казанском и Уфимском уездах во второй половине XVI - начале XVII вв. По существу царское правительство сохранило существовавшую при казанских ханах социальную структуру населения завоеванного края. После «замирения» территории Казанского уезда правительство «жаловало» новых подданных ясаком. Это же автоматически касалось и населения будущей Казанской дороги Уфимского уезда, которое юридически оказалось подвластным русскому царю, как правопреемнику казанских ханов. В то же время привилегированные и лояльные к русскому правительству слои (татарские князья, мурзы, тарханы и иное служилое население) были включены в состав служилого населения Московского царства. Они жаловались поместьями и вотчинами, нередко теми, которыми они владели еще «до казанского взятъя». То есть, коренное население присоединенного к русскому государству края было поделено на ясачное и служилое сословие, известные на территории Казанского уезда как ясачные чуваш и служилые татары. Необходимо также учитывать тот факт, что территория, на которой располагались селения ясачных чуваш и служилых татар, в основном соответствовала прежним местам проживания волжских булгар. О том, что ясачные чуваш, тождественны тягловому населению Казанского ханства и ясачным татарам более позднего времени достаточно подробно уже написал Д.М. Исхаков, поэтому на этом вопросе останавливаться не будем. Такое же деление было осуществлено по отношению к башкирам на территории Уфимского уезда. В XVII в. известны ясачные и служилые башкиры. При этом видимо, часть этого служилого населения уезда именовалась ранее служилыми татарами, что подтверждается прошением башкира Иланской волости Уразайки Нагаева, датированное 1668 г. В своей челобитной Уразайка Нагаев указывает на то, что дед его служил с окладом в 8 рублей, при этом «дед и отец ево ... служилые были татарова и не ясашные» (8). Служилые башкиры также как и служилые татары жаловались правительством поместьями и вотчинами. В 1643 г. башкирам Тохтамышке Шихдербаеву, Токатке Кутееву, Янбатейке Янсеитову были жалованы земельные угодья при дер. Сарали. Далее им указывалось: «владеть до тех мест, как за ними помесную землю измерят, а вотчину бортной ухожей опишут государевы писцы и мерщики» (9). В спорном деле за 7195

(1686-1687) год, которое касается ясачных чуваш дер. Кугарчин Ногайской дороги Казанского уезда Тлевлечко Досаева, Ишмячко Иштякова и башкира Кыр – Иланской волости Кучючка Бекбулатова отмечается, что «в прошлых де годах деды и отцы Тлевлековы, Кучючковы и иные их братья ... башкирцы Кыр - Иланской волости ... вотчину де по Ику и по Усеню рекам на семь жеребьев по родам разделили». Здесь же указывается, что раньше дед Тлевлейка «от голоду и за бедностью от нагайского разоренья и от войны съехал в Казанский уезд»(10). В другом документе, которое касается этих же лиц, говорится, что эти ясачные чуваш и башкир родственники (11). Из этого вытекает, что одна и та же группа населения, имеющая вотчины в Уфимском уезде на территории разных регионов именуется по-разному. Если на территории Уфимского уезда они именуется башкирами, то в Казанском уезде они ясачные чуваш. То есть, применение этнонима «башкир» в XVII в. следует связывать с территориальной привязанностью этого наименования. Так, башкиры Дуванейской волости Мамсяк Елкачин с сыном Кузаем, имевшие в этой волости «елкичинскую вотчину», перейдя на территорию Кунгурского уезда и поселившись в Карьевской четверти, там именуется ясачными татарами (12). Жители деревни Карьево опять-таки имеют отношение к ногайцам, поселившимся среди «иштяков» (13). В силу этого в ряде источников XVII – начала XVIII вв. наблюдается путаница в определении принадлежности тех или иных людей в сословиях (Байлярская, Елдятская, Кыпчакская волости). Из этого следует, что часть «башкирского» населения вне пределов Уфимского уезда именуется помимо наименования «ясачные чуваш», еще и «ясачные татары». Возможно, это связано с делением «башкир» Уфимского уезда на ясачные, служилые и тарханские слои. Такое положение, когда служилые татары в силу различных причин, в первую очередь из-за фискальной политики русского правительства, попадали в разряд ясачного населения, зафиксировано в XVII в. в Темниковском и Казанском уездах. Так, в 1697 г. по указу Петра I было предписано переписать в ясачное тягло мурз, татар, чуваш, черемисов и тарханов Понизовых и Мещерских городов (14). Потомки тархан Хусаина и Хасана (предки известного старшины Надыра Уразметева) в 1678 г. показаны по переписи в дер. Адаево (нынешнего Кукморского района РТ). При этом, платя ясак, они показаны «ясачными татарами», а отнюдь не «ясачными чувашами» (15). Такое же положение сложилось и со служилыми татарами дер. Нырсывар Толбаем и Кулбаем Ишеевыми, дети которых Тохтагулко Кулбаев и Смаилко Толбаев были «отписаны по разбору на ясак» (16).

Касаясь самоидентификации ногайцев Д.М. Исхаков, связывает их с «татарами» (17). Это касается, прежде всего, кочевого военно-феодалного слоя Ногайской Орды. В то же время ясачные слои населения Казанского ханства долгое время называли себя булгарами, помня о своей былой принадлежности к государству волжских булгар. Булгарами еще в конце XIX в. называла себя и часть «башкирского» населения нынешнего северо-западного региона Башкортостана (18). О своей «татарскости» помнили и башкиры Оренбургской губернии. В прошении поверенного Чубиминской волости Билала Ногайбекова говорится о том, что «предки наши башкирцы происходящие от княжества и тарханства татарского» (19). Арабский историк Ал-Омари живший в XIV в. описывая Золотую Орду в своей книге «Пути взоров по государствам разных стран» писал: «В древности это государство было страню Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их поддаными. Потом Татары смешались и породнились с Кипчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами Татар и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного с ними рода» (20). Нельзя не отметить также тот факт, верно подмеченный И.Л. Измайловым, что покоренные земледельческие народы, прежде всего на территории бывшей Волжской Булгарии, были настроены резко критически к правящей верхушке Казанского ханства как к «татарам» - кочевникам - скотоводам (21). Поэтому под этнонимом «татары» для XIV – XVII вв. следует понимать скорее социэтноним. Не случайным является то, что вплоть до начала XVIII в. поволжские татары делились на феодальную верхушку – «служилых татар» и тягловое население – «ясачных чуваш». То, что термин «служилые татары» применялся к феодальной верхушке инородческого поволжского населения, подтверждают и материалы, касающиеся

мордовских и чувашских феодалов, которых также в ряде документов именуют служилыми татарами (22).

После завоевания Казани Иваном Грозным наследником Казанского ханства стало Московское государство. Не случайно в титулатуре московского государя появился новый термин – «царь казанский». Ясачное население «Мангытского юрта», которое раньше платило ясак казанскому хану и ногайским владельцам, теперь вынуждено было платить тот же ясак русскому царю его представителям в Казани и тем же ногайским владельцам. Это положение (платеж ясака в Казань) сохранялось вплоть до постройки города Уфы. Перевод ясака из Казани в Уфу зафиксирован у башкир Уранской волости (23). Именно это ясачное население в русских источниках стало называться башкирским. Платимый же и позднее башкирами ряда волостей ясак, как в Уфу, так и в Казань, видимо, следует объяснить тем, что некоторые башкиры этих волостей какое-то время проживали в Казанском уезде, где они попали в число податного населения и платили ясак в Казань со своих вотчин в Уфимском уезде. На эту мысль наталкивает и существенная разница между ясаками, платимыми в эти города. Так, башкиры Минской волости Уфимского уезда в 1695-1696 гг. платили в казну в Уфу 180 куниц и 2 бобра, а в Казань 32 куницы (24). Помимо башкир Минской волости, ясак выплачивали и в Казань вотчинники Сарали – Минской, Байлярской, Булярской, Еланской (Иланской), Елдятской, Енейской и ряда других волостей (25).

В одной из татарских рукописей XIX в. говорится о том, что после взятия Казани «в Уфимском юрте (земле) два народа: башкиры и бобыли (26). До XVI-XVII вв. население северо-западной Башкирии было сравнительно немногочисленным. Положение стало меняться сразу после завоевания Казанского ханства Иваном Грозным. Витевский В.Н. об этом писал так: «Вскоре по завоевании Казани ... многие из казанских татар и других инородцев, обитавших в пределах нынешней Казанской губернии, удалились в Башкирию и поселились в окрестностях нынешней Уфы, особенно в лесах и по берегам рек» (27). В XVII – XVIII вв. на территории региона зафиксированы следующие категории населения: башкиры, тарханы, служилые татары и мещеряки, ясачные татары и чуваша, тептяри и бобыли.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в исторической науке Татарстана и Башкортостана в последнее время стал вопрос о тептярях. Тептяри как сословие появились в Уфимском уезде в 1730-1740-х гг. В основном исследователями принята точка зрения, согласно которой слово «тептярь», произошло от персидского слова «дэфтэр», означающего «запись», а в тюркских языках приобретшем значение «тетрадь». Согласно другой версии, выдвинутой А.З. Асфандияровым слово «тептярь» является трансформацией башкирских слов «тибеу», «тибелеу», «типтереу», то есть в его трактовке термин «тептярь» означал отверженного, изгнанного из своей общины того или иного индивидуума. Автор данной версии утверждает также, что первыми тептярями стали башкиры, ставшие припущенниками в других волостях (28). В то же время в публикациях отдельных авторов стало превалировать мнение об «этничности» тептярей и некой языковой и этнокультурной «переходности» этой категории населения между татарами и башкирами (29). Посмотрим, так ли это было на самом деле? В первую очередь необходимо разобраться с тем, к кому именно стал применяться термин «тептярь» на территории Уфимского уезда и действительно ли первыми тептярями стали башкиры. В документах XVII в., ясак, который взимался с местного башкирского населения обычно именуется «тептярским», «окладным тептярским», но при этом по отношению к тому или иному представителю башкирской волости не применяется термин «тептярь». Кроме того, зачастую вместо наименования «тептярский» применялось словосочетание «девятарский ясак». Так, в челобитной башкира дер. Якшибаново Байчерки Илинбетова сына Минина отмечается, что «платит де он ... на Уфе девтерской ясак по кунице на год» (30). «Девтер» эта та же тетрадь. Таким образом, «окладной тептярский ясак» означает ясак, взимавшийся по «окладу» (нормированию) у ясачников и записывавшийся в специальные книги (тетради). Другим видом ясака являлся бобыльский ясак. В ясачные бобыли записывались

«сходцы» из других уездов, таким образом, оформляя свое право жительства на той или иной земле. При этом ранее, эти переселенцы оформляли свои отношения с владельцами (вотчинниками) той земли, на которой они селились. В научной литературе оформление этих отношений трактуется как припуск. Но наряду с припуском имела место и уступка своих угодий вотчинниками другим лицам. Так, деда ясачных чуваш дер. Кугарчин Казанского уезда Тлевлейко Досаева и Ишметка Иштякова, имевшие вотчину по р. Ик, уступили свои земли из-за невозможности «ясаку с той вотчины платить ... Казанского уезду чуваше Маметку Алдыргушеву да Кошайку Бакшандину» (31). Таким же образом отдал свою вотчину тархан Кыпчакской волости Кетик Кулчюрин отцу ясачного чуваша Казанского уезда Кулбая Уразгильдеева, с такой формулировкой «что ему (тархану – Г.И.) до тое вотчины дела нет» (32). Более высокой ступенью для припущенных на башкирские земли «сходцев», по сравнению с бобыльским ясаком являлось оформление ими на себя окладного тептярского ясака. В челобитной за 1656 г. ясачные бобыли дер. Талламас (она входила в состав Кыр – Иланской волости, известна Танламасовская тюба этой волости) Кошайко, Уразметко и Уразлыко Бакшандины, Доскейка Шихмамметев и их товарищи, имевшие по их утверждению в своем распоряжении вотчину по р. Ик, просят платимый ими ранее «бобыльский ясак переписать с них на те вотчинные урочища в окладной ясак». Здесь же они обязуются «сверх прежнего бобыльского ясаку в оклад ясак платить прибыли по 2 куницы на год» (33). Таким образом, для узаконивания владения «вотчиной» требовалось платить, так же как и вотчинники – башкиры «окладной ясак», «окладной тептярский ясак». Интересно отметить то, что в записи данной, упоминавшимся выше башкиром Кыр-Иланской волости Кучуком Бекбулатовым, этим же ясачным чувашам, Доскейка Шихмамметев назван башкиром дер. Тынламас (34). Так же в «прибыль по кунице на год» было велено платить окладной ясак» в помощь башкиру Минской волости Уразаю Булашеву и бобылю дер. Укарлино Сибирской дороги Уфимского уезда Иликею Укарлину (35). По грамоте датированной 1728 г., его сын Атачик Иликеев показан ясачным окладным тептярем Минской волости (36). Таким же образом «на прибыль» поселились на территории Уранской волости 40 деревень татар, марийцев и удмуртов (37). В другом документе, рассматривавшемся в уфимской приказной избе, жители дер. Бурлы Табынской волости (ныне Гафурийский район РБ) Досмамметко Кочаков, Ишимко Досмамметев, Ишметко и Юрбагышко Итеевы, названные вначале башкирами, а в конце документа татарами, просят сложить с них бобыльский ясак и наложить на них «окладной ясак Кипчацкой волости з башкирцы». В своей челобитной они указывают, что «деды и отцы их и они были Кипчацкие волости». В ходе проверки оказалось, что в ясачных окладных книгах Кыпчакской волости, куда записывали ясачных башкир, имен их дедов и отцов нет (38). Платеж башкирами и их припущенниками «окладного тептярского ясака» никак не послужило рождению новой категории податного населения.

Возможно, именно наличие вотчины во владении не автохтонной группы населения, иначе говоря, платеж этой группой «окладного тептярского ясака» послужило одной из причин путаницы в определении сословной принадлежности многих жителей региона в конце XVII – начале XVIII вв. Н.А. Гурвич ранее уже подчеркивал: «Известно, что слово Башкир употребляется двояким образом: во первых, в смысле административно – сословном, а во вторых, в смысле этнографическом, генетическом или племенном. В первом случае оно объемлет собою не одно чисто башкирское племя, а несколько, именно черемис, мещеряков, вотяков и бывших тептярей (последние три племени известны в народе, со времени причисления их к башкирскому сословию, под именем новых башкир)» (39). Так, в 1727 г. башкир Булярской волости Умер Тохтаров жаловался на то, что башкиры той же волости Алметь Аднагулов и Масыгут Татимов «пришлые татары, а не прямые природные ... башкирцы». Через несколько лет, во время начала действий башкирской комиссии Масыгут Татимов был приведен к властям другими башкирами с обвинениями в том, что он «пришлой мещеряк» (40). В 1726 г. упоминается житель д. Урметево Усман Биметев, который в одном случае показан ясачным татаринном, в другом

башкиром. Такая же двойственность фигурирует в этих делах по отношению к жителю дер. Акбашево Каршинской волости Косаю Мамедалину (41). Такое же положение сложилось и с каринскими татарами.

Многу были проанализированы практически все дела фонда «Уфимские крепостные книги» в РГАДА. До 1737 г. жители региона именуются тептярями считанное количество раз. Так, в 1718 г. упоминается тептярь дер. Юшады Умир Кутлин. В 1719 г. показаны тептяри дер. Мушугитамак. И, наконец, в 1735 г. показаны ясачные окладные тептяри дер. Старый Матак Булярской волости (42). В большинстве случаев будущие тептяри в конце XVII – начале XVIII вв. показаны в различных материалах того времени как ясачные татары, каринские татары, ясачные черемисы. Именно из этих категорий населения, прибавив сюда еще служилых татар и бобылей, сформировалось сословие тептярей. Народность ли это? Ведь тептяри – марийцы (черемисы) как были марийцами в XVII – XVIII вв., так ими до сих пор и остаются. Анализ припускных грамот тептярей убедительно свидетельствует, что основу этого сословия составили татары, перешедшие на жительство в Уфимский уезд из ближайших районов расселения татар. Во время действий Оренбургской экспедиции, среди задержанных переселенцев в Уфимский уезд из других уездов оказалось много ясачных татар, платящих тептярский ясак. Аит Алметев оказался «бежавшим» из дер. Кушки Свяжского уезда. На новом месте на него был положен тептярский ясак. Сеит Бибашев переселился из дер. Петракино Алаторского уезда. Семейство Ермяка Баймякова, также платящего тептярский ясак, являлось выходцами из дер. Кубунурово Алацкой дороги Казанского уезда (43). В деревнях Курмашево и Новое Алимово поселились «из татар тептяри», оказавшиеся потомками каринских служилых татар Давлетьяровых (44). Эта же группа населения поселилась и в деревнях Варзи, Салагуш, Рысово, Ишмаметево, Атабаево, Байбеково, Кабаново и Мушуги, Кучуково, Ютазы Казанской дороги Уфимского уезда и деревнях Малая Урма Каряна тож и Служилый Ур Казанского уезда. Представители этой группы населения на новом месте были положены в бобыльский ясак. Среди них оказались представители следующих фамилий Хиляловы, Касимовы, Давлетьяровы, Хозясеитовы, Зянчурины, Сейтяковы. Все они оказались потомками каринских владетельных родов, которых в научной литературе называют еще и «арскими князьями» (45). Служилые татары дер. Чиньково Енейской волости были припущены в 1713 г. на жительство в дер. Байсарово будущего Мензелинского уезда. Позднее, их потомки фигурируют в составе тептярей дер. Тлянчино (46). Этот перечень можно было бы продолжить до бесконечности. Но ограничимся высказываниями русского историка Н.А. Фирсова на этот счет. По его подсчетам из Казанского у. только за 1710-1714 гг. вышло более 35 тысяч крестьянских дворов, большинство из которых бежало в Уфимский у. (47). Такую массу народа считать вытесненными, изгнанными из своих общин однообщинниками, по меньшей мере, нелепо. Башкиры же поселившиеся в других волостях как были башкирами – припущенниками тех или иных волостей, так и остались ими, что зафиксировано во многих переписях населения.

Другой категорией населения Волго-Уральского региона, которое пытаются отрешить от его татарского прошлого, являются мишари или же мещеряки русскоязычных источников. Издавна это сословие являлось военно-служилым. Само название «мишари», «мещеряки» связано с названием местности, с древней исторической областью в районе р. Ока, в XIV в. эта местность располагалась в пограничье с Нижегородским княжеством. То есть, это такой же политоним, как и «алаторцы», «казанцы», «поморы».

Происхождение мишарей связано с бургасами и волжскими булгарами. Большую роль в этногенезе мишарей сыграли и кыпчаки. Еще со времен Волжской Булгарии на службу к русским князьям стали отходить те или иные представители феодальной верхушки этого государственного образования. Приток на службу к русским князьям новых волн тюркских феодалов связан с возникновением на территории Дешт – и – Кыпчака новой империи Чингисидов – Золотой Орды. Именно с этого времени начинает распространяться среди народов Европы новый этноним – татары.

В документах XVI - XVIII вв. мишарей называют также служилыми татарами. Служилые татары, как военное сословие, сформировались в течение XIV - XVII вв. из представителей татарских феодальных родов. В это сословие, помимо собственно мишарей, влились представители арских (нукратских) татар (князья Арслановы, Давлетьяровы, Касимовы, Яушевы и др.), ногайских татар (мурзы Ишмаевы), знатные роды казанских татар (князья Карачурины, Камаевы и др.) и отатарившейся мордвы (князья Ерзины, Ромадоновские и др.).

К 1718 г. на территории Поволжья служилых мурз и татар насчитывалось в Казанской, Астраханской (Симбирский у.), Нижегородской и Воронежской губерниях 11207 дворов с 52857 душами, в т.ч. в Свияжском у. 483 двора (1765 душ), Пензенском у. 1319 дворов (5988), Симбирском «в валу»-1342 (6901) и «за валом» 1795 (7246), Алаторском-1073 (5824), Курмышском-113 (553), Темниковском-912 (5055), Касимовском-526 (2212), Шацком-57 (423), Керенском-154 (1059), Верхнеломовском-143 (927), Кузьмодемьянском-10 (41), Саранском-726 (3654) (48).

На территории Башкирии мишари являлись служилым военным сословием на протяжении XVII - XIX вв. В 1792 г. мещеряки Уфимского наместничества показали: «происхождение наших предков из ногайских владетельных фамилий и мурз, служилых мещеряков и татар» (49). Мишари (мещеряки) на территории Башкирии появились по некоторым данным с конца XVI в. И.К. Кириллов в своем изъяснении о населении Уфимского уезда в 1735 г. подчеркивал, что «мещеряки, то есть служилые татары ... накликаны с начала города Уфы» (50). В «Записке Оренбургского правления по вопросам управления разными группами населения Башкирии» (1800 год) о мишарях сказано так: «Сей народ не коренной Оренбургской губернии, но перешедший по нынешнему положению Симбирской губернии из Алаторского и Симбирского уездов» (51). Когда в 1658 г. правительство собиралось обложить их ясаком, часть мещеряков подали ходатайства о неналожении на них этого ясака, мотивируя свое ходатайство тем, что «они де служилые татары, служилых отцов дети, деды ж и отцы их служили по Алатырю, а иных по Арзамасу, по Кадому, по Темникову, по Романову, по Свияжску, по Курмышу, а они де служат по Уфе по 15 лет, а ины и больше, всякие Великого государя службы и в посылках и в поезды ездят с дворяны и детьми боярскими и с иноземцы, с своею братьею, верстаными татары» (52). Позднее, этот разряд населения пополнялся новыми переселенцами из внутренних районов Российского государства. Так, в 1625 г. вместе с назначенным в Уфу воеводой С. Волынским было предписано ехать на службу 3 слободским татарам (53). В 1650 г. уфимским воеводой Федором Милославским было предписано «служить службы» служилым ногайцам Тенибердейке Митеневу и Маметке Канчину, всего 6 человекам с пашенной земли (54). В 1651 г. князья Карачурины (Кайбиш Узеев, Кузма Мирасев и др.) перешли на жительство в Уфимский у., где основали дер. Кулбарисово (ныне дер. Сабаево Мишкинского района РБ) (55). Они являются потомками казанского князя Чуры Нарыкова - героя татарского эпоса «Чура-батыр». Чура Нарыков известен как глава оппозиции хану Сафа-Гирею в 1540-е гг. В конце XVII - первой половине XVIII вв. часть рода, видимо, проживала в дер. Кичуй (Кичуй Адамчи, ныне дер. Ерыклы Новошешминского района РТ). В это же время на территории Осинской дороги были поселены мурзы Киреевы. Впервые они упоминаются в Башкирии в 1650 г., когда Ишей и Булай мурзы Досаевы дети Киреевы вместе со своими товарищами были «поверстаны» землей в районе д. Кемеево Мишкинского района. При этом мурзы были наделены землей по 50 четвертей, а служилые татары по 20. В конце XVII - начале XVIII вв. семейство Булая Досаева сына Киреева переселилось в Алатырский уезд, откуда потомки Булая К. вернулись в 1778 г. в Башкирию уже как ясачные татары (государственные крестьяне) и осели в дер. Кучербаево нынешнего Благоварского района. Потомки Ишея К. находились в «мещеряцком» сословии и проживали в деревнях Каракучуково, Ихсаново, Расмекеево, Ахметово, Бирюказганово. Часть потомков Ишея К. была пожалована дворянством за выслугу офицерских чинов (Каракучуково, Расмекеево, Бирюказганово). Потомки 3-го сына Досая Киреева Бигая мурзы обосновались в Челябинском уезде. Большинство из них было утверждено в дворянстве в 1800 г. Служилые татары Киреевы зафиксированы среди жителей деревень Калеево Малая Бахта тож, Муслюмкино Чистопольского уезда Казанской губернии и

находились в сословии государственных крестьян. Кроме того, в дер. Кузяково нынешнего Аургазинского района известны тептяри мурзы Киреевы. Интересно также отметить судьбу каринских князей Девлетьяровых на территории Башкирии. Выше я уже указывал на то, что часть этого рода попала в тептярское сословие. В 1740-х гг. часть этого рода переселилась в Сеитовский посад Оренбурга, откуда их позднее перевели на жительство в дер. Яшерганово (ныне Стерлибашевский район РБ). К середине XIX в. в этой деревне 57 душ мужского пола князей Девлетьяровых находилось в башкирском сословии, пять душ - в мещеряцком, 44 души - в сословии государственных крестьян (56).

К 1658 г. известны следующие селения, в которых были размещены «служилые татаровья» в Уфимском уезде: деревни Уразаево, Кулбарисово, Налмасово, Байбаково, Ишмаево (заселена в 1656 г.), Кулаево, Байбюрино, Сикияды, Четвертаково, Базы. Службу служить им было предписано с «пашни». Часть жителей в «рописи всяких чинов служилых и жилецких людей» в 1657 г. показана служилыми татарами, а в 1658 г. переведена в состав служилых мещеряков. Всего по этим деревням было верстано на службу 84 человека. Сами жители, при этом показывали, что прежде «по Темникову городу», «по Алатырскому городу» служили. Часть же «новоприезжих мещеряков» было велено сослать в Свияжский, Курмышский, Алаторский и Арзамасский уезды в «те города, из которых приехали» (57). Позднее, состав этого сословия пополнялся за счет новых переселенцев. В составе этого сословия оказались и тарханы, видимо, имеющие отношение к ногайцам. Так, в грамоте за 1702 г. в тарханы были написаны служилые татары дер. Базы Кутлуметко Кулушев, Уразака Ишметев, Алийка Ишметев и дер. Янгаз – Нарат Абдрахман Каминкин. Упомянутый, в этом списке Кутлуметко (Кутлумбетко) Кулушев, по моему мнению, имеет прямое отношение к подавшему в 1685 г. челобитную о тарханстве жителю дер. Танламас Казанской дороги Кутлуметко Кутлугушеву. О том, что дер. Танламас имела отношение к этой волости я уже писал выше. При подаче своего челобитья он также отдал ярлык на тарханство, выданный казанским ханом Ибрагимом (правил в 1467-1479 гг.). По его утверждению «в прошлых годах давних служили деды и отец мой в служилых тарханех». Тарханы в Кыр – Иланской волости были известны еще со времен «Еналеевского бунта» в 1615 г. За участие в поимке Еналея Емаметева эти тарханы получили поместья. Иначе говоря, эти башкирские тарханы по своему положению мало, чем отличались от служилых татар (58). Позднее, эти служилые татары – тарханы оказались в составе башкирского сословия. В начале XVIII в. в Кыр – Иланской волости известны башкиры Кутлумбетевы (Кутлуметевы), давшие начало роду старшин этой волости.

Жители с. Старое Ермаково, считавшие себя выходцами из с. Надырово, расположенного в бассейне реки Сок, в своей рукописной истории сообщали, что являются потомками Хусаин-тархана, получившего земли в бассейне р. Сок по ярлыкам казанских ханов Мухамед-Амина (1515 г.) и Сафа-Гирея (1717 г.) (Исхаков Дамир. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань. 1998, с.147-148, 152).

В 1699 г. служилых татар и мещеряков в Уфимском уезде уже насчитывалось 748 человек (59). В переписных книгах 1720 г. «служилых мещеряков» было зарегистрировано, что они проживают в 41 деревне, в основном в Осинской дороге. Всего в них насчитывалось 380 дворов. При этом у некоторых из жителей имелись и дворовые люди (60). В 1736 г. служилые мещеряки по своей переписи показали, что их насчитывается около 20000 человек, в том числе к службе годных 5000 человек (61). Видимо, в этом случае учитывались и те «мещеряки», которые ранее были положены в подушный оклад, а на время башкирского восстания, вызванные на службу, с освобождением на время службы от подати. Служилые повинности у мещеряков сохранялись и позднее. Они послужили одной из составных частей, сформированного в XIX в. башкиро – мещеряцкого войска. Основой этого сословия на территории Уфимского уезда послужили те же феодальные, в какой-то мере родственные группы, известные в Казанском уезде, как служилые татары, а в Уфимском, как тарханы и служилые ногайцы.

В отличие от них мишари и служилые татары Казанского, Нижегородского, Кадомского, Темниковского и других уездов, не пожелавшие креститься по указу Петра I от 3 ноября 1713 г. были низведены до положения податного населения (государственные крестьяне). Указом 31 января 1718 г. было «повелено» на работы по заготовке корабельных лесов «брать Казанской, Нижегородской и Воронежской губернии и Симбирского уезда служилых мурз, татар, мордву и чуваш без заплаты», т.е. без вознаграждения, в виде повинности. С этого времени эту группу населения именуют и лашманами (в переводе с немецкого «лесной человек»). С 1729 (указ 12 марта) с лашманов уже взимается подушная подать, а за работу по заготовке лесов полагается им плата, которая засчитывалась в подушную подать по расчету 6 копеек в день конному работнику, 4 копейки пешему. Излишний сверх суммы подушной подати заработок выдавался деньгами (62). Ко времени V-й ревизии 1795 г. в Оренбургской губернии из этой группы населения осело 7707 душ мужского пола, в т.ч. в Белебеевском уезде 1201 душа мужского пола (63).

На территории Башкирии эта группа населения известна как «томэннэр» (тюменцы, темниковцы). Русские иногда эту группу населения называли темниковскими мишарями. Свое наименование («томэннэр») они получили от названия г. Темникова (по-татарски Томэн, ныне в Мордовии), вблизи которого большинство из них жило. При императрице Екатерине II в 1784 году был издан указ о восстановлении в дворянском достоинстве князей и мурз татарского происхождения, имеющих документальные доказательства своего дворянского происхождения. Многие из представителей «тюменских» родов в это время получили дворянские права. Среди них: Акчурины, Бигловы, Дашкины, Девлеткильдеевы, Дивеевы, Еникеевы (первые), Еникеевы (вторые), Кашаевы, Кудашевы, Маматкозины – Сакаевы, Маматовы, Мамины, Мамлеевы, Муратовы, Терегуловы.

Наряду с ясачным населением на территории бывшего «Ногайского юрта» существовала еще со времен Казанского ханства и такая категория населения как тарханы. Часть этого слоя, являясь феодальной верхушкой на территории «Ногайского юрта», была жалована поместьями с ясачным крестьянским населением за службу казанскому хану в непосредственной близости к Казани. Кроме того, они же владели и вотчинами на территории бывших «Беловолжской» и «Башкирской» земель. Оставшись на территории Казанского уезда эта категория населения, наряду с другими феодальными элементами, была причислена к военно – служилому сословию Московского царства и стала именоваться служилыми татарами. Так, в 1618 г. «тарханную грамоту» на «бобровые ловли, что за Камою рекою по Кинель речке» получил служилый тархан дер. Кугарчин Ногайской дороги Казанского уезда (ныне Рыбнослободской район РТ) Килей Монашев. В то же время в том же 1618 г. «служилые тотаровя» Ишей Хозяшев и Килей Монашев получили поместную землю по Зюрейской дороге «что бывало исстари городище Чаллинское» (64). Вотчина же по р. Кинель еще в 1613 г. была дана брату Килея Булату Монашеву, убитого позднее во время службы. Поместная же земля Монашевых оставалась в Казанском уезде. Известно, что к 1690-м гг. у служившего «по Казани» сына Сулеймана Монашева Юсупа поместье находилось в дер. Челны Зюрейской дороги. Вотчина же его располагалась «за Камою рекою по Кинеле реке по обе стороны до вершины да по Кинельчике реке по обе ж стороны до вершины да по двум рекам Саврушам да по третьей речке Аманак (Аманат – Г.И.), что промеж ими течет да по Зичайке (Зычи – Г.И.) речке» (65). В 1699 г. (1690-1691 г. – Г.И.) на эти же земли по реке Кинель была дана грамота служилому татарину Ишейке Тохтарову, чей дед являлся двоюродным братом Килея Монашева (66). Уже начиная с XVII в., на данной территории локализуется Кыпчакская волость Казанской дороги Уфимского уезда, включая и «Ицкие волости» (реки Зыча, Аманат, Савруш). Потомки Монашевых, носившие позднее фамилии Манашевых и Сулемановых, при этом уже именуются башкирами – вотчинниками. Здесь же в непосредственной близости к Кыпчакской волости позднее располагалась и Тамьянская волость с дер. Мукменево. По 7-й ревизии 1834 г. в этом селении проживало 193 души мужского и 192 души женского пола башкир – вотчинников и 13 (7-6) башкир – припущенников (67). Начало этой деревне положила продажа в 1744 г. части своей земли

служилыми тарханами Кульмаметевым и Шариповым «по крепостной уступочной записи» служилым татарам Надыровской волости, в т.ч. Кульшарипу Дюсметеву, по р. Кинель (68). Здесь следует добавить то, что на территории нынешнего Альметьевского района Татарстана есть село Кульшарипово, входившая ранее в состав Надыровской волости. По преданиям селение основал Кулшариф, внук Юлдаша, переселившийся из дер. Шырдан нынешнего Зеленодольского района РТ. Из того же селения Шырдан переселился и Юлдаш, основатель дер. Кичучатово и пращур Ризы Фахретдина. Другой известной группой тарханов являлись потомки, жалованных казанским ханом Сахиб-Гиреем тарханством в 1523 г. Этот тарханский ярлык был выдан Шихахмеду Мухаммедову, Абдалу и Балашу Шихахмедовым и их товарищам, всего 7 человек. Этот ярлык впервые рассматривался в ходе спорного дела о вотчине между ясачными татарами Акешкой Доскеевым, Мурзакайко Юкачевым «с товарищи» и башкирами Иректинской волости. Сама грамота была во владении ясачных татар, утверждавших что «жалованную грамоту» на ту вотчину была дана «деду ево Доскейки Белякова». Возможно, Беляк этого документа и Балаш ярлыка одно и то же лицо. В ходе рассмотрения этого дела башкиры окрестных волостей заявили, что «та де вотчина татарская Акешкова с товарищи, а не башкирская и владели истари деды и отцы их Акешковы и товарищей ево». Башкиры же Иректинской волости (племя иректе являлось частью табынского племени), оказавшиеся потомками Абдала Шихахмедова утверждали, что владения ясачных татар Акешки и его товарищей располагались «по Зюрейской дороге деревни Малые Суни ... да деревня Балтачева Атойма тож ... да деревни Ныс». Сами же ясачные татары заявили, что «в Казанском уезде деды их живали ... как города Уфы не было», а «та де вотчина (по р. Ик – Г.И.) ... написана в Казани в прежних ясачных книгах после Казанского взятия в первых летех». Не исключено, что мы имеем дело с таким же случаем как у башкир Кыпчакской волости. Видимо, владения по Зюрейской дороге были даны этой группе как поместье, а вотчины располагались по р. Ик. Возможно, эта группа также имеет отношение к служилым татарам Казанского уезда. Пребывание же табынцев зафиксировано в Мамадышском уезде. Позднее, Акешка Доскеев с товарищами оказался в числе «башкир тарханского роду» (69). Из этого же «тарханского» рода и башкиры дер. Исламбахты нынешнего Ермакеевского района РБ. В их родословной встречается имя Юкачи, которое, видимо, имеет прямое отношение к ясачному татарину Мурзакаю Юкачеву (70). Сами же жители этого селения говорят, что часть их предков перешла на жительство «в Идель, на Урал». Вероятно, здесь имеется ввиду переселение на территорию Иректинской (Табынской) волости по р. Танып. Такая же ситуация сложилась и с потомками Хусаина и Хасана тарханов, проживавших в 1678 г. в дер. Адаево Зюрейской дороги Казанского уезда. К этому времени этот род попал в число ясачных татар. Именно потомки этого тарханского рода положили начало, основанной ими Надыровской волости. По сведениям межевых контор Надыровская волость получила свое наименование «от татарина Надыра Уразметева, который, отыскав еще до 1719 г. пустопорозжую землю между уездами Казанским и Уфимским, по рекам Заю, Шешме и Черемшану» поселился вместе с другими «инородцами» (71). Но все же этот род помнил свои «служилые корни». Принадлежность Надыра Уразметова и его родственников к татарской феодальной верхушке подтверждается и прошением Юсупа Надырова о снятии с него и его родственников подушного оклада, в связи с «тарханством» его предков в 1777 г. (в 1781 г. его просьба была удовлетворена) (72). Интересным моментом является также и то, что его ближайшие родственники, братья и племянники, вначале проживавшие в дер. Шерлама, фигурируют среди служилых татар, подчиненных адмиралтейству. В рукописи «История Чыршы» Высокогорского района отмечается, что предки жителей селения переселились из дер. Адаево. Среди переселенцев отмечен Морза баба, а жители делились на ясачных татар и казаков, то есть служилых татар. М.И. Ахметзянов в примечаниях к тексту рукописи отмечает, что проживающие в дер. Чыршы представители старинного рода Адаевых являются потомками хана Кара бика, родоначальника многих известных татарских княжеских фамилий - Давлетьяровых, Касимовых, Арслановых и др. (73). Подтверждением данной формуле может служить и

упоминание в некоторых документах того периода этой волости как «Надыревой служилых татар». В указе, данном Надыру Уразметеву в 1735 г., во время начала восстания 1735-1740 гг. предписывалось «выбрать служилых мешеряков и татар лутчих людей вооруженных сколько человек возможно ... и явитца в команды господина статского советника Кирилова» (74). Необходимо отметить также то, что потомки тархан Хусаина и Хасана оказались в составе различных сословий. Известны башкиры Надыровы, часть рода Надыровых попала в состав ямских татар (позднее государственные крестьяне). Большинство же представителей этого рода оказались в составе тептярей. Таким образом, феодальная верхушка племен Уфимского уезда, входившая в состав служилых татар Казанского уезда, или в силу ряда причин оказавшаяся в рядах ясачных татар, но никак не «ясачных чуваш», стала одной из составляющих формирования башкирской народности. Вопрос же о том, считают ли они себя в данное время башкирами эта тема уже другого порядка.

В первой половине XVIII в. территория северо-западной части Уфимского уезда входила в состав Казанской дороги. В это время здесь зафиксированы следующие волости: Байлярская, Булярская, Гарейская, Дуванейская, Еланская (Кыр – Иланская), Елдятская (Ельдякская), Енейская, Иректинская, Канлинская (Канглинская), Каршинская, Киргизская, Надыровская, Сарали – Минская, Шемшадинская, Юрминская (75). Здесь же в составе «Ицких волостей» в XVII в. показаны Тамьянская, Кыпчакская, Минская, Табынская, Бурзянская, Айская, Сыррянская (76). Касаясь «Ицких волостей», все эти волости можно соотнести к башкирам – припущенникам более позднего времени. Так, на территории Кыр – Иланской волости зафиксирована дер. Тамьян (ныне Чекомагушевский район), в которой проживали башкиры – припущенники. Кыпчакскую волость, видимо, следует связать с вотчинами башкир этой волости по рекам Зычи, Аманат, Савруш на территории нынешнего Юго – Восточного региона Татарстана. Минская волость это та же Сарали – Минская волость. На территории Иректинской волости зафиксированы две деревни Табын. Кроме того, эту же волость в некоторых источниках именуют Табынской. Башкиры Айлинской волости в XVII в. проживали на территории Енейской волости, а в первой половине XVIII в. перешли на жительство в Кыр – Иланскую волость и проживали в качестве башкир – припущенников в дер. Ярмухаметово нынешнего Туймазинского района. В XVIII в. в Кыр – Иланской волости близ реки Ик в деревнях Нижние Бишинды, Балтаево также в качестве башкир – припущенников проживали вотчинники Айлинской волости.

Говоря о племени Елан Р.Г.Кузеев отмечает, что “кыпчакская этнонимия некоторых еланских подразделений не исключает возможности и того, что еланцы были в XIII- XIV вв. составной частью (родом) кыпчаков” (77). Связь Кыр - Иланской волости с Кыпчакской прослеживается и по архивным источникам. Так, служилые тарханы дер. Кугарчино Ногайской дороги Казанского уезда Монашевы (Манашевы) к 1618 г. владели вотчиной в районе реки Кинель. Позднее там фиксируется Кыпчакская волость (78). К 1827 г. часть рода тархан Манашевых показана жительствовавшей в дер. Тархан (ныне Шаранский район) Кыр - Иланской волости (79). Часть жителей той же Кыпчакской волости поселились в 1685 г. и в дд. Лаяшты и Сеиткулово нынешнего Илишевского района (80). Видимо, в состав единой Иланской волости входила и Байлярская волость. В одном из документов за 1650 г. территория этой волости именуется «Тышки Иланские волости Байлярские деревни» (81). В то же время, владения части башкир Байлярской волости к 1704 г. располагалась в непосредственной близости к вотчинам Кыпчакской волости по рекам Ток, Бузулук (82). В тех же местах находились и владения части башкир Кыр - Иланской волости.

Племя шемшадин когда-то составляло единую общность с племенами дуваней и канглы. В XVII-XVIII вв. было довольно много случаев перехода башкир из одной волости в другую, в том числе это касается башкир Дуванейской, Канлинской, Шемшадинской волостей, когда они переходили из одной волости в другую в рамках этих трех волостей. По грамоте выданной в 1674 г. башкиру Канлинской волости Якшибету Акчину видно, что территория Канлинской волости вбирала в себя земли и Дуванейской, и Шемшадинской волостей. В то же время в XVII в. башкиры - канлинцы находились в окладе башкира

Дуванейской волости Кунурбая Сейтякова, то есть ответственным за сбор ясака с башкир Канлинской волости являлся башкир - дуванец. В грамотах 1702 и 1704 гг. башкиры дер. Канлы Кулембет Илясов и Чураш Тавтюбреев в одном документе названы башкирами Канлинской, а в другом башкирами Дуванейской волости и сама дер. Канлы показана Дуванейской (83). Такое же положение было и в XVIII в. Жившие в первой половине XVIII в. в дер. Толбазы Дуванейской волости башкиры - дуванейцы, во второй половине XVIII в. перешли на жительство в дер. Карача - Елга Канлинской волости. Старшина Дуванейской волости Миней Султуков в 1760-е гг. был старшиной и Канлинской волости. Здесь необходимо добавить, что на территории Дуванейской волости было найдено три надгробных памятника XIV в. Один из них был найден при дер. Старо – Калмашево Чекмагушевского района, а два при дер. Мавлютово Кушнаренковского района. На основе анализа надписей на мавлютовских плитах Юсупов Г.В. приходит к выводу о том, что употребление в тексте С и Ч (как и в татарском языке) вместо характерных для башкирского языка фонем һ и С «по-видимому, восходит к болгарским временам, а не является только результатом позднего влияния казанско - татарского языка» (84).

В прошении поверенных Дуванейской волости князя Гумера Дашкова и Рафика Янышева за 1811 г. говорится, что «... волости Калнинской никогда не бывало..., но хотя и была деревня Канлы, а не волость, которая состоит в Уфимском уезде деревня Ахметева, кою называют Идиль - Калны, платили ясак в оклад Дуванейской волости окладчика Кунурбая Сейтякова, а прочие калнинцы именуется кыр - калны, а также платили ясак Дуванейской же волости в оклад окладчиков Бердымбета Кутуева да Байбука Давлетьярова... и открылось по всему Дуванейской волости башкирцам оные калнинцы и то же волости Бердыбетю Кутлуеву и Баубеку Давлетьярову из платежа ясака партикулярно припущенными, а не настоящие владельцы» (85). Вероятно, первоначально все три волости (Дуванейская, Канлинская, Шемшадинская) составляли одну единую Дуванейскую волость, а впоследствии, так же как, Иланская волость, разделилась на более мелкие по территории волости.

По мнению Г.Н. Потанина, племя мин (минг) является потомками монгольского народа Мынг, известного позднее как Мингат. Р.Г. Кузеев также утверждает, что Мингат является формой множественного числа этнонима Минг (86).

Владения башкир Минской волости располагались по рекам Белой, Деме, Уршаку. Помимо этого, по р. Мензеля Мензелинского уезда располагалась Сарали – Минская волость. Иными словами можно сказать, что Минская волость была крупнейшей волостью Уфимского уезда. Именно на территории Минской волости располагалась ставка (город) ногайского хана. В «преданьях старины глубокой» говорится, что последним владельцем этого города, на месте нынешней Уфы был ногайский хан Тиря (Тюря) баба Тюклас (87). В то же время родословная многих жителей Минской волости восходит к Тюклясу. Известно также, что доминирующей силой в Ногайской орде являлись мангыты. В 1600 г. упоминается башкирский татарин Минской волости Мангутай (88). Как говорится, комментарии излишни. Это позволяет предположить идентичность мангытов – татар Ногайской Орды и башкир – минцев Уфимского уезда.

Земли Елдятской волости располагались по рекам Белая, Уфа, Куваш. Ныне земли этой волости находятся в составе Чекмагушевского, Дюртюлинского, Илишевского, Бураевского районов. Часть башкир Елдятской волости являются выходцами из Байлярской волости. В прошении жителя дер. Сюльтино (ныне Илишевский район) Абдувахита Зиянгулова говорится: «Предки доверителей моих башкирцы ... Байлярской волости Солтанай Багаев с товарищами заселение свое показанною деревнею Сюльти возымели на земле единородцев своих Елдятской волости ...». В документе же за 1704 г. Солтанай Багаев показан дер. Евбазы ясачным татаринном (89). В «преданьях старины глубокой» Сюльтино говорится, что жители этой деревни переселились с правобережья р. Кама. Сначала их предки остановились на жительство около дер. Султанбеково (ныне Дюртюлинский район), а затем перешли на нынешнее место Сюльтино (90). Башкиры этой

волости являются потомками булгар (91) и казанских переселенцев (дер. Бишкураево). Они же имеют отношение и к тарханам.

Выше я уже указывал на то, что в течение XVII – начала XVIII вв. в состав башкирского сословия входили и представители других категорий населения региона. Этот процесс продолжался и позднее. Приведем лишь несколько фактов так, как об этом писали многие исследователи. В 1822 г. в «башкирское звание» было переведено 23 души мещеряков в дер. Шарипово Каршинской волости (92). Такие факты приводит и Д.Н. Соколов. Он сообщает, что в 1-й Усерганской волости есть дер. Салихово Кугарчи тож, а во 2-й Кара – Кыпчакской волости дер. Джитибуляково Кугарчи тож, жители которых, будучи башкирами – вотчинниками, по происхождению являются казанскими татарами, переселившимися в начале XIX в. Таковыми же являлись, по его сообщению, башкиры Сеитовской волости и дер. Имангулово Имангуловской волости Оренбургского уезда (93).

Подытоживая все вышеизложенное, следует признать, что территория Уфимского уезда (губернии), особенно на его северо-западе, оказалась зоной совместного этногенеза, как башкир, так и татар. При этом в составе обеих групп развивались родственные между собой группы населения. Этнические рамки обеих групп при этом оказались размытыми, взаимопоглощая друг друга. Иными словами можно сказать, что этническая дифференциация населения региона в основном упиралась на сословность этих групп и являлась чисто условной. Язык же обеих этих групп на территории северо-западного региона Башкортостана оказался очень близок к казанско - татарскому литературному языку. Уфимский этнолог Ф.Г. Сафин о ситуации в сфере языка на территории региона пишет: «Не исключено, что, если ранее часть башкир, несмотря на свое «башкирское самосознание», своим родным считала татарский, а часть – башкирский, то вводимый в качестве предмета обучения башкирский язык толкнул носителей местного языка пересмотреть симпатии к языку своей национальности в пользу татарского, ибо литературный башкирский язык мало соответствовал разговорному языку местного населения» (94). Во многом в связи с этим население региона считает себя татарами. Для нас наш родной «дустым» все же гораздо ближе юго-восточного «кустыма».

Примечания:

1. Габдрафиков И.М. Хозяйственная жизнь и социально – культурные ориентации современной сельской семьи (на примере татар северо – западного Башкортостана). Автореферат дисс. Уфа, 1995. С.9.
2. Исхаков С.М. Мусульманская культура и российские мусульмане в начале XX века // Право, насилие, культура в России. Региональный аспект (первая четверть XX века). М., Уфа, 2001. С.47.
3. История Татари в документах и материалах. М., 1937. С.96.
4. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань, 1998. С.146-148.
5. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.373, лл.1, 2.
6. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII – XVIII вв. М., 1988. С.98.
7. Исхаков Д.М. От средневековых татар ... С.153-160.
8. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.676, л.1.
9. М.К. Любавский. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв. // ОР РГБ, ф.364, оп.8, д.4, л.2.
10. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.909, л.6; ЦГИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.4871, лл.260-262об.
11. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.121, л.14.
12. ГАОО, ф.6, оп.1, д.36, лл.1-4об; РГАДА, ф.248, оп.3, д.151.
13. Исхаков Д.М. От средневековых татар ... С.123
14. Степанов Р.Н. Первый этап в политике царизма по переводу служилых татар из военного сословия в податное (конец XVII – первая четверть XVIII в.) // Итоговая

- научная аспирантская конференция за 1964 год. Тезисы докладов. Казань, 1964. С.130-131.
15. РГАДА, ф. 1209, оп.1, д.6453, лл.723об-725.
 16. Малов Е. Древние грамоты и разные документы. (Материалы для истории Казанской епархии). Казань, 1902. С.42-43.
 17. Исхаков Д.М. Юго – Восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XV – XVI вв. // Альметьевский регион: проблемы историко – культурного наследия. Альметьевск, 1999. С.18.
 18. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к русскому государству. Уфа, 1960. С.51.
 19. М.К. Любавский. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв. // ОР РГБ, ф.364, оп.8, д.4, л.2.
 20. Цит. по: Из глубины столетий. Казань, 2000. С.185.
 21. Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII – XV вв. // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С.26.
 22. ЦГИА РБ, ф.И-1, оп.1, д.1343, л.119.
 23. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.980, л.4.
 24. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.1195, л.5.
 25. ЦГИА РБ, ф.И-172, оп.1, д.2, л.37; д.20, л.17.
 26. История Татарии ... С.23.
 27. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Т.П. Казань, 1897. С.370.
 28. Западные башкиры. Уфа, 2001. С.15-18.
 29. Кузеев Р.Г. Национальная консолидация и межэтническая интеграция // Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992. С.22.
 30. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.1198, л.3.
 31. там же, д.909, л.6.
 32. там же, д.92, л.2.
 33. ЦГИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.4871, лл.266-267.
 34. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.121, л.27.
 35. там же, д.1195, л.7.
 36. Материалы по истории Башкирской АССР (далее МИБ). Ч.1. М., - Л., 1936. С.128.
 37. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.980, л.2.
 38. там же, д.933, лл.2, 3, 5.
 39. Цит. по: Роднов М.И. Этнический состав населения Бирского уезда в конце XIX – начале XX века // Страницы минувшего. Уфа, 1995. С.65.
 40. РГВИА, ф.9, оп.1, д.150, л.41; ЦГИА РБ, ф.И-172, оп.1, д.120, л.75; МИБ, ч.1. С.134-135.
 41. РГАДА, ф.615, оп.1, д.12191, лл.2, 7, 12, 23об; д.12194, л.8об.
 42. РГАДА, ф.615, оп.1, д.12166, л.61об; д.12173, л.22; РГВИА, ф.9, оп.1, д.150, л.83.
 43. РГВИА, ф.9, оп.1, д.150, лл.42-43.
 44. ЦГИА РБ, ф.И-1, оп.1, д.1343, л.186об.
 45. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.861, лл.5-7; Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. Казань, 1993. С.17-18.
 46. ЦГИА РБ, ф.И-172, оп.1, д.21, л.64.
 47. Фирсов Н.А. Иностранное население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. С.15, 339.
 48. РГАДА, ф.350, оп.3, д.5, лл.427об-431.
 49. Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735-1736 годов. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С.261.
 50. МИБ. Т.III. М., - Л., 1949. С.493.
 51. МИБ. Т.V. М., 1960. С.581.

52. М.К. Любавский. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв. // ОР РГБ, ф.364, оп.7, д.2а, лл.24-25.
53. Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1870. С.15-16.
54. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.1119, лл.40, 63.
55. РГАДА, ф.248, оп.3, кн.115, лл.434-435; ф.350, оп.1, д.3790, л.3об; ЦГИА РБ, ф.И-386, оп.1, д.1, л.76об.
56. ЦГИА РБ, ф. И-1, оп.1, д.1343, лл.51, 186об, 218.
57. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.488, лл.13-45; д.1119, лл.35, 39.
58. там же, д.196, лл.2, 3, 5; Вельяминов - Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. С. – Пб., 1864. С.44; М.К. Любавский. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв. // ОР РГБ, ф.364, оп.7, д.8, л.2.
59. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Ч.1. Оренбург, 1887. С.72-73.
60. РГАДА, ф.248, оп.3, кн.115, лл.659-662.
61. там же, кн.135, л.42.
62. В. Залесский. Казанские лашманы. Русская старина. Т.167. 1916. Август.
63. М.К. Любавский. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв. // ОР РГБ, ф.364, оп.7, д.2а, л.27.
64. РГАДА, ф.1209, оп.1, д.153, л.391.
65. ЦГИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.6402, лл.22-28.
66. ЦГИА РБ, ф.И-10, оп.1, д.1298, лл.45-47.
67. Южноуральский археографический сборник. Вып.2. Уфа, 1976. С.196-342.
68. ЦГИА РБ, ф.И-10, оп.1, д.1328, лл.263, 269об.
69. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.766, л.2об; д.769, лл.7-9; Исхаков Д.М. От средневековых татар ... С.147.
70. М. Ахметзянов. Татар шәжәрәләре. Казан, 1995. 83б.
71. ГАОО, ф.6, оп.11, д.342.
72. МИБ. Т.IV, ч.2. М., 1956. С.594.
73. История Чыршы. Публ. М.И. Ахметзянова // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. Казань, 1999. С.117-119.
74. РГАДА, ф.248, оп.3, кн.169, лл.121об-122.
75. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С.54.
76. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. М., Л., 1936. С.188-193.
77. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С.362.
78. ЦГИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.6402, лл.22-28.
79. РГАДА, ф.1324, оп.1, д.3816, л.9.
80. ЦГИА РБ, ф.И-172, оп.1, д.82, л.197, 273.
81. РГАДА, ф.248, оп.3, д.115, л.333об.
82. РГАДА, ф.615, оп.1, д.12138, л.40.
83. МИБ. Ч.1. С.153.
84. ЦГИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.1944, л.285.
85. Юсупов Г.В. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 122.
86. ЦГИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.398, л.1об.
87. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С.306-307.
88. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Ч.2. С.-Пб, 1762. С195.
89. РГАДА, ф.615, оп.1, д.12138, лл.145-145об; ЦГИА РБ, ф.И-1, оп.1, д.797, л.1.
90. Асфандияров А.З. История сел ... Кн.4.Уфа, 1993. С.152.
91. Башкирские шежере. Уфа, 1960. С.179.
92. ЦГИА РБ, ф.И-1, оп.1, д.449, л.39.
93. Соколов Д. Н. О башкирских тамгах. Оренбург, 1904. С. 8 – 9.

94. Сафин Ф.Г. Динамика этноязыковой ситуации в Башкортостане (к постановке проблемы государственных языков) // Взаимодействие культур народов Урала. Уфа, 1999. С.152.

Габдуллин И.Р.

Мещеряки Бирского уезда (XVII–XIX века): краткий исторический очерк

В составе военно-служилого населения Российского государства особую группу составляли служилые татары. В Уфимском уезде и Оренбургской губернии эта группа именовалась как «мещеряки». Нередко это население называли и «служилыми мещеряками и татарами» или же «мишарями». На территории современной Республики Башкортостан служилые татары и мещеряки (мишари) являлись служилым военным сословием на протяжении XVII–XIX веков.

О характере их прежних мест жительства и происхождения оставлено довольно много источников. Так, в 1792 г. мещеряки Уфимского наместничества показали: «происхождение наших предков из ногайских владетельных фамилий и мурз, служилых мещеряков и татар»¹. И.К. Кириллов в своем изъяснении о населении Уфимского уезда в 1735 г. подчеркивал, что «мещеряки, то есть служилыя татары... накликаны с начала города Уфы»². Будущий сенатор полковник И.Г. Головкин в письме своему отцу канцлеру И.Г. Головкину от 24 сентября 1720 г. писал, что «служилые татары здесь называютца... мещеряки, как слышно многие в Уфинском уезде помещены по грамотам ис приказу Казанского Дворца»³. В «Записке Оренбургского правления по вопросам управления разными группами населения Башкирии» (1800 г.) о мишарях сказано так: «Сей народ не коренной Оренбургской губернии, но перешедший по нынешнему положению Симбирской губернии из Алатырского и Симбирского уездов»⁴. Уже в начале XVII в. «слободские татары» показаны как жители слободы под Уфой⁵. Служилые татары под наименованием «слободские татары» известны и в более позднее время. Так, в 1625 г. вместе с назначенным в Уфу воеводой С. Волынским было предписано ехать на службу трем слободским татарам⁶.

О местах их прежнего места жительства можно судить и по топонимическим материалам. Так, в Балтачевском районе РБ находится д.Чукалы, издавна заселенная мещеряками. Селение с таким же названием со служилым татарским населением известно и на современной территории Ульяновской области. Среди жителей д.Большая Ока Мечетлинского района сохранилось предание о том, что прежде они несли службу на большой реке Оке⁷. Данные о прежних местах жительства новых насельников Уфимского края известны и по другим источникам. Так, представители известного дворянского рода Тупеевых прежде проживали в д.Ендовище Алатырского уезда, где у них еще к 1768 г. оставались принадлежавшие им земли⁸. 55-летний мещеряк д.Богданово Коши (ныне в Балтачевском районе) Нурмет Илмурзин в 1720 г. показал, что его отец выходец из Свияжского уезда. Жители д.Кизганбаш тогда же определили себя выходцами из Алатырского уезда⁹. Поместные земли Булгаковых – мещеряков д.Султангулово оставались

¹ Цит. по: Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735–1736 годов. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 261.

² МИБ. Т. III. М.; Л., 1949. С. 493.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 115. Л. 235.

⁴ МИБ. Т. V. М., 1960. С. 581.

⁵ Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С. 52.

⁶ Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1870. С. 15–16.

⁷ Давлетбаев Б.С. Большая Ока. История села. Уфа, 1992. С.12.

⁸ РГАДА. Ф.615. Оп.1. Д.12318. Л.1-7.

⁹ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Кн.115. Л.507-508.

к 1729 г. и в д. Большой Студенец Ногайской дороги Казанского уезда. О родственных связях мещеряков Уфимского у. и поволжских уездов Российского государства говорят и их фамилии. Фамилия Булгаковых была распространена среди татарского служилого населения Темниковского уезда. Мещеряки Кочкаровы известны среди жителей д. Акбердино Кундешли. Служилые татары с такой же фамилией проживали в Темниковском у. и дд. Старые Чукалы Шланга Симбирского у. (ныне в Дрожжановском районе Татарстана). Мещеряки мурзы Агышевы (Агишевы) и Утешевы (Утяшевы) проживали в д. Бешелап. Эти же фамилии распространены среди татарского населения современной Мордовии и Пензенской области¹⁰.

Когда в 1658 г. правительство собиралось обложить их ясаком, часть мещеряков подала ходатайства о неналожении на них этого ясака, мотивируя это тем, что «они де служилые татары, служилых отцов дети, деды ж и отцы их служили по Алатырю, а иных по Арзамасу, по Кадому, по Темникову, по Романову, по Свияжску, по Курмышу, а они де служат по Уфе по 15 лет, а ины и больше, всякие Великого государя службы и в посылках и в поездах ездят с дворяны и детьми боярскими и с иноземцы, с своею братьею, верстаными татары»¹¹.

Позднее, этот разряд населения пополнялся новыми переселенцами из внутренних районов Российского государства. В 1650 г. уфимским воеводой Федором Милославским было предписано «служить службы» служилым ногайцам Тенибердейке Митеневу и Маметке Канчину, всего шести человекам с пашенной земли¹². В 1651 г. князя Карачурины (Кайбиш Узеев, Кузма Мирасев и др.) перешли на жительство в Уфимский у., где основали д. Кулбарисово (ныне д. Сабаево Мишкинского района Башкортостана)¹³. Они являются потомками казанского князя Чуры Нарыкова — героя татарского эпоса «Чура-батыр». Чура Нарыков известен как глава оппозиции казанскому хану Сафа-Гирею в 1540-е годы. В конце XVII — первой половине XVIII вв. часть рода, видимо, проживала в д. Кичуй (Кичуй Адамчи, тож, ныне д. Ерыклы Новошешминского района Татарстана). В это же время на территории Осинской дороги были поселены мурзы Киреевы. Впервые они упоминаются в Башкирии в 1650 г., когда Ишей и Булай мурзы Досаевы дети Киреевы вместе со своими товарищами были «поверстаны» землей в районе д. Кемеево современного Мишкинского района. При этом мурзы были наделены землей по 50 четвертей, а служилые татары по 20. В конце XVII — начале XVIII вв. семейство Булая Досаева сына Киреева переселилось в Алатырский уезд, откуда потомки Булая Киреева вернулись в 1778 г. в Оренбургскую губ. уже как ясачные татары (государственные крестьяне) и осели в д. Кучербаево нынешнего Благоварского района. Потомки Ишея Киреева находились в «мещеряцком» сословии и проживали в деревнях Каракучуково, Ихсаново, Расмекеево, Ахметово, Бирюказганово. Часть потомков Ишея Киреева была пожалована дворянством за выслугу офицерских чинов (Каракучуково, Расмекеево, Бирюказганово). Потомки третьего сына Досая Киреева Бигая (Бекбая) мурзы обосновались в Челябинском уезде. Большинство из них было утверждено в дворянстве в 1800 году. Служилые татары Киреевы зафиксированы также среди жителей деревень Калеево Малая Бахта тож, Муслюмкино Чистопольского у. Казанской губ. и находились в сословии государственных крестьян. Кроме того, в д. Кузяково нынешнего Аургазинского района известны тептяри мурзы Киреевы¹⁴.

К 1658 г. известны следующие селения, в которых были размещены «служилые татаровья» в Уфимском уезде: деревни Уразаево, Кулбарисово, Налмасово, Байбаково, Ишмаево (заселена в 1656 г.), Кулаево, Байбюрино, Сикияды, Четвертаково, Базы. Большинство из этих населенных пунктов позднее входило в состав Бирского уезда. Службу

¹⁰ Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С.86-87, 190, 264-265.

¹¹ Любавский М.К. Очерки истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв. // ОР РГБ. Ф. 364. Оп. 7. Д. 2а. Л. 24-25.

¹² РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1119. Л. 40, 63.

¹³ Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 115. Л. 435-435; Ф. 350. Оп. 1. Д. 3790. Л. 3 об.; ЦГИА РБ. Ф. И-386. Оп. 1. Д. 1. Л. 76 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 450; Ф. 350. Оп. 2. Д. 1148. Л. 398 об-399; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 449. Л. 20 об.; ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1343. Л. 16; Ф. И-172. Оп. 1. Д. 83. Л. 265-266, 630.

служить им было предписано с «пашни». Часть жителей в «рописи всяких чинов служилых и жилецких людей» в 1657 г. показана служилыми татарами, а в 1658 г. переведена в состав служилых мещеряков. Всего по этим деревням было верстано на службу 84 человека. Сами жители, при этом показывали, что прежде «по Темникову городу», «по Алатырскому городу» служили. Часть же «новоприезжих мещеряков» было велено сослать в Свияжский, Курмышский, Алаторский и Арзамасский уезды в «те города, из которых приехали»¹⁵.

Особую подгруппу в составе уфимских служилых татар составили переселенцы из Хлыновского уезда, так называемые каринские татары. Они получили оберегательную память на земли около р. Камы и ее притока р. Иж еще в 1649 году. Здесь ими были основаны деревни Варзи, Салагуш, Рысово, Ишмаметево, Атабаево, Байбеково, Кабаново и Мушуги, Кучуково, Ютазы Казанской дороги Уфимского уезда и деревнях Малая Урма Карияна тож и Служилый Ур Казанского уезда. Представители этой группы населения на новом месте (в Уфимском уезде) первоначально были положены в бобыльский ясак. Среди них оказались представители следующих фамилий: Хиляловы, Касимовы, Девлетьяровы, Хозясеитовы, Зянчурины, Сейтяковы. Все они оказались потомками каринских владетельных родов, которых в научной литературе называют еще и «арскими князьями»¹⁶. В 1684 г. они подали «челобитье», в котором просили «за службы прадедов и дедов... ясак с них сложить и положить» на бобылей, живущих «безясачно». В следующем 1685 г. каринских татар велено было «написать на Уфе в список служилыми татарами и служить... с старинной пашенной земли, а ясак с них снять и написать на безясашных бобылей»¹⁷. Но, видимо, этот указ был выполнен лишь наполовину. В последующем каринские татары в Уфимском уезде и «службы служили», и ясак выплачивали. Так, в 1695 г. «служилой» Кулуш мурза Еналеев из рода Сейтяковых объявил, что он платит в казну ясак «по четыре куницы да по ансырю меду да по десяти денег на год»¹⁸. Таким образом, положение каринских татар было близким к статусу ясачных татар. Видимо, именно в связи с этим обстоятельством впоследствии данная группа населения пополнила собой разряд тептярей. В частности, в деревнях Курмашево и Новое Алимово (ныне Актанышский район Республики Татарстан) известны «из татар тептяри», оказавшиеся потомками каринских служилых татар Девлетьяровых¹⁹. В этой связи необходимо также отметить судьбу тех же князей Девлетьяровых на территории Оренбургской губернии. В 1740-х гг. часть этого рода переселилась в Сеитовский посад Оренбурга, откуда их позднее перевели на жительство в д. Яшерганово (ныне Стерлибашевский район Республики Башкортостан). К середине XIX в. в этой деревне 57 душ мужского пола князей Девлетьяровых находилось в башкирском сословии, пять душ — в мещеряцком, 44 души — в сословии государственных крестьян. Помимо этого, часть рода оказалась в тептярском сословии²⁰.

В составе «мещеряцкого» сословия какое-то время находились и тарханы. Часть этого слоя, являясь феодальной верхушкой на территории «Ногайского юрта» Казанского ханства, была жалована поместьями с ясачным крестьянским населением за службу казанскому хану в непосредственной близости к Казани. Кроме того, они же владели и вотчинами на территории бывших «Беловолжской» и «Башкирской» земель. Оставшись на территории Казанского уезда после его завоевания Московским государством эта категория населения, наряду с другими феодальными элементами, была причислена к военно-служилому сословию Московского царства и стала именоваться служилыми татарами. Так, в грамоте за 1702 г. в тарханы были написаны служилые татары д. Базы Кутлуметко Кулушев, Уразака Ишметев, Алийка Ишметев и д. Янгаз-Нарат Абдрахман Каминкин. Упомянутый в этом

¹⁵ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 488. Л. 13–45; Д. 1119. Л. 35–39.

¹⁶ Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 861. Л. 5–7; Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. Казань, 1993. С. 17–18.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 861. Л. 4, 18.

¹⁸ Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1192. Л. 1–6.

¹⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1343. Л. 186 об.

²⁰ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1343. Л. 51, 186 об., 218.

списке Кутлуметко (Кутлумбетко) Кулушев, видимо, имеет прямое отношение к подавшему в 1685 г. челобитную о тарханстве жителю д. Танламас Казанской дороги Кутлуметко Кутлугушеву. Эта деревня издавна входила в состав Кыр-Иланской волости, в этой же волости отмечена и Танламасовская тюба. При подаче своего челобитья он также предъявил ярлык на тарханство, выданный казанским ханом Ибрагимом (правил в 1467–1479 годах). По его утверждению «в прошлых годах давних служили деды и отец мой в служилых тарханех». Тарханы в Кыр-Иланской (Иланской) волости были известны еще со времен «Еналеевского бунта» в 1615 году. За участие в поимке Еналея Емаметева эти тарханы получили поместья. Позднее эти служилые татары – тарханы показываются как башкиры-вотчинники.

Часть служилого населения Уфимского уезда, именованная ранее служилыми татарами, также оказалась в составе башкир. Это подтверждается, в частности, прошением башкира Иланской (Байлярской) волости Уразайки Нагаева, датированное 1668 годом. В своей челобитной Уразайка Нагаев указывает на то, что дед его служил с окладом в 8 рублей, при этом «дед и отец ево ... служилые были татарова и не ясашные»²¹. В 1727 г. башкир Булярской волости Умер Тохтаров жаловался на то, что башкиры той же волости Алметь Аднагулов и Масыгут Татимов «пришлые татары, а не прямые природные... башкирцы». Через несколько лет, во время начала действий Башкирской комиссии Масыгут Татимов был приведен к властям другими башкирами с обвинениями в том, что он «пришлой мещеряк»²². Позднее, Масыгут Татимов (Тятимов) известен как башкирский старшина Гарейской волости. В этой связи необходимо отметить замечание Д.Н. Соколова, подметившего сходство тамг свияжских татар (в этом уезде многие селения являлись «мещеряцкими») с тамгами башкир Мензелинского уезда²³.

В соответствии с установленными правилами поместной службы все служилые люди, получившие поместные и денежные оклады, обязательно должны были быть записаны в городские десяти. Десятни служили основным документом, на основании которого производилась раздача денежного жалованья провинциальному дворянству²⁴. По словам уфимского служилого татарина Сюнчалая мурзы Бегеева сына Киреева «написан он... по Уфе в десяти и верстан окладом денежным и земляным» (в 1700 г. 300 четей и денег 10 рублей). Большинство же служилых мещеряков получали от 4 до 6 рублей²⁵. Те же из служилых татар, у которых близкие родственники не попали в десяти во время деятельности в Уфимском крае полковника графа И.Г. Головкина в 1720 г. по высылке беглецов из других уездов и губерний высылались на места прежнего жительства. Так, только за период с 7 по 25 сентября 1720 г. были высланы в Свияжский у. 12 семей (34 муж., 27 муж.), Симбирский у. 95 семей (241 и 215), Алатырский у. 24 семьи (73 и 59), Касимовский у. 2 семьи (2 и 2), Темниковский у. 1 семья (1 и 3), Саранский у. 8 семей (11 и 18), Нижне-Ломовский у. 8 семей (28 и 28. и Верхне-Ломовский у. 5 семей (15 и 17))²⁶.

Основной обязанностью служилых мещеряков была станичная служба, которая осуществлялась дозорными конными отрядами – «станциями». Служилый татарин Кулуш мурза Еналеев утверждал, что служит он «службы дальние и ближние... посылают на околородные ближние караулы»²⁷. С появлением в южных степях калмыков в ходе нередких схваток с ними участвовали уфимские мещеряки. Они же привлекались к службе в ходе народных восстаний на территории Уфимского и Казанского уездов в XVII—XVIII веках. Так, житель д. Кулбарисово (Сабаево тож) (ныне Мишкинский район Республики Башкортостан) Осинской дороги Уфимского у. Кантуган Келдибеков сидел в осаде в Уфе во время «первой башкирской шатости». Сепай Урмаев в 1680-е гг. из д. Бешеларово того же

²¹ Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 676. Л. 1.

²² РГВИА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 150. Л. 41; ЦГИА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 120. Л. 75; МИБ. Ч. 1. С. 134–135.

²³ Соколов Д.Н. О башкирских тамгах. Оренбург, 1904. С.87.

²⁴ Калачев Н. В. Десятни. Спб., 1875. С.3

²⁵ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Кн.115. Л.280.

²⁶ Там же. Л.276.

²⁷ Там же. Ф.1173. Оп.1. Д.1192. Л.2.

уезда с семейством был взят «в полон» калмыками Аюки хана. Тогда же калмыками были захвачены, «а за скудостью» не вернулись, семейства Мемкея Янтуганова и отцов Усеина Нураева из д. Иштыбаево (ныне Мишкинский район Башкортостана), Искендера Исаева из д. Янбаево, Клейки Бабараева («в полону убит») из д. Карышево (ныне Балтачевский район РБ). Ирзюк Келмаев из д. Янбаево, Миней Емикеев из д. Карышево, Абдулла Акбердин и Орка Уразбанов из д. Елюзи были также взяты в плен, но сумели вернуться. А мать, братья и сестры Ирзюка Келмаева к 1720 г. «за скудостью» оставались у калмыков²⁸. С построением Оренбургской линии, мещеряков привлекали к охране южных границ. Отправлялись мещеряки и в дальние походы. В 1696 г. они принимали участие в походе на Азов во время русско-турецкой войны²⁹. Пятисотенная мишарская команда участвовала в Семилетней войне с Пруссией. Они же несли охранную службу по Сибирской линии. Так, родоначальник дворянского рода Асядуллиных Калимулла Асядуллин в одной из своих челобитных показывал, что он участвовал вместе с другими мещеряками « в походах 757, 758, 759 годов... в Пруссии», в 771–773 годах на сибирских линиях сотником»³⁰.

В 1699 г. служилых татар и мещеряков в Уфимском уезде уже насчитывалось 748 человек³¹. В переписных книгах 1720 г. «служилых мещеряков» было зарегистрировано, что они проживают в 41 деревне, в основном в Осинской дороге. Всего в них насчитывалось 380 дворов. При этом у некоторых из жителей имелись и дворовые люди³². В 1736 г. служилые мещеряки по своей переписи показали, что их насчитывается около 20000 человек, в том числе к службе годных 5000 человек³³. Видимо, в этом случае учитывались и те «мещеряки», которые ранее были положены в подушный оклад, а на время восстания 1735 – 1740 гг., вызванные на службу, с освобождением на время службы от подати. Это видно и из того, что позднее в 1766 г. в Уфимской и Исецкой провинциях служилых мещеряков насчитывалось 1937 дворов (всего 15517 душ обоего пола), служилых татар 237 дворов (1429 душ) и тархан 443 двора³⁴.

Хотя основной обязанностью уфимских мещеряков являлась служба, но в 1699 г. с них было велено собрать вместо «Камышенской службы» по рублю. Позднее, после перевода служилых татар Казанской губернии в лашманы в 1718 г. с мещеряков Уфимского у. стали собирать опять по 1 рублю. В 1732 г. указом из Правительствующего Сената мещерякам предписывалось служить «по прежнему с Уфимскими дворянами и иноземцами»³⁵. С 1747 по 1754 гг. мещеряки платили 25-копеечный ясак, который с них затем снят³⁶. С этого времени основной обязанностью мещеряков стала военная служба. Они послужили одной из составных частей, сформированного в XIX в. башкиро–мещеряцкого войска.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 115. Л. 435–507.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 115. Л. 283.

³⁰ РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 57. Л. 483.

³¹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Ч. 1. Оренбург, 1887. С. 72–73.

³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 115. Л. 659–662.

³³ Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 135. Л. 42.

³⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 815.

³⁵ Малов Е. А. Сведения о мишарях. Этнографический очерк. Казань, 1885. С. 36.

³⁶ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С. 289.

Татары и башкиры в войнах с Францией в конце XVIII – начале XIX веков

Значительная часть татарских дворянских родов получила права на дворянство, будучи жителями Оренбургской губернии. Помимо доказавшей свое дворянское происхождение старой татарской аристократической элиты, многие дворянские роды Оренбургского края были внесены в дворянские родословные книги за ратные заслуги.

Башкиры и мишари Оренбургской губернии стали активно использоваться самодержавием, как на пограничной службе, так и в войнах с середины XVIII века. Они проходили службу на южных рубежах Российского государства по Оренбургской и Сибирской оборонительным линиям. В случае военной нужды башкирские и мишарские команды вызывались на службу на театр военных действий. Так, в ходе семилетней войны с Пруссией 1756-1763 гг. в 1756 г. на службу в западные районы империи были вызваны пять мишарских (мещерякских) сотен³⁷. Позднее, башкирские и мишарские пятисотенные полки участвовали в боях против поляков и шведов.

В конце XVIII в. в Оренбургской губернии была введена кантонная система управления, по которой башкирское и мишарское население края было переведено в военное сословие. Основной обязанностью этих сословных групп стала военная служба, которая осуществлялась за счет сельского общества, т.е. каждые 4-5 дворов обязаны были ежегодно снаряжать за собственный счет одного воина. Военную службу стали нести и тептяри. Еще в апреле 1790 г. было принято решение о формировании пятисотенного тептярского казачьего полка, который в 1791 г. был назван Уфимским казачьим полком. Этот полк должен был не только комплектоваться из тептярей, но и обеспечиваться лошадьми, амуницией, продовольствием и фуражом за свой счет. Только оружие (ружья и сабли) было казенным. По указу от 11 октября 1798 г. этот полк был разделен на два, названные 1-м и 2-м тептярскими казачьими полками. Рядовые и офицерские чины по этому указу полагалось набирать из числа тептярей, но для общего командования необходимо было иметь в полку русского офицера³⁸. Так же как башкирские и мишарские полки, тептярские кавалерийские полки должны были нести пограничную службу на Оренбургской линии.

Агрессивная военная политика республиканской, а затем и Наполеоновской Франции, перекаривание политических карт центральной Европы вынудили многие европейские государства, в том числе и Российскую империю, начать военные действия.

Среди уроженцев Оренбургской губернии участвовавших в войне с Францией в годы правления императора Павла I, можно отметить Алюка Батыршина (родился около 1773 г.). Он происходил из татар дер. Аллагуватово Стерлитамакского уезда (ныне Стерлитамакский район РБ). В службу вступил 2 января 1790 г. в Московский гренадерский полк, в составе которого принимал участие во взятии Вильно в 1794 г. в ходе русско-польской войны 1792-1794 годов. Против Франции А.Батыршин воевал в составе лейб-гвардии Павловского полка в 1799 г. в Голландии. Позднее, отставной штабс-капитан 26-го егерского полка А.Батыршин был признан в дворянском достоинстве и внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги³⁹.

В составе башкирских, мишарских, тептярских полков многие жители Приуралья участвовали в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах против Наполеоновской Франции. После вторжения французов в Россию по всей стране был оглашен Манифест императора Александра I с призывом об обороне Отечества. Многие жители Оренбургской губернии добровольно изъявляли желание служить в действующей армии. Так, братья

³⁷ «Записана эта запись в 1756 году...». Публ. Р.Марданова (на татарском языке) // Эхо веков. №1-2. 2002. С.16-18.

³⁸ Рахимов Р.Н. Тептярские полки в Отечественной войне 1812 года // Любезные вы мои... – Уфа, 1992. – С.66, 68.

³⁹ РГИА. Ф.1343. Оп.17. Д.1576. Л. 5-7.

Абдулхалик и Назир Абдулвахитовы (известен дворянский род Абдулвахитовых) просили включить их в состав башкирского полка, сформированного в 9-м башкирском кантоне⁴⁰. Вступили в службу и четыре сына дворянина князя Юскея Абдюковича Кудашева (1742 г.р.)⁴¹.

Среди отличившихся в боях против французов воинских соединений отмечен и Уфимский пехотный полк. Комплектовался полк в основном из государственных крестьян Уфимского края (русские, татары, чуваша, марийцы, мордва). Полк участвовал в Смоленском и Бородинском сражениях. Среди награжденных представителей полка за Бородино можно отметить имена Ислама Бакирова, Тимирзана Султанова, Арслана Ахметова⁴².

Покрыли себя славой башкирские и мишарские полки. Всего было сформировано 28 пятисотенных башкирских, два мишарских полка. Не все из них принимали участие в боевых действиях. Некоторые несли гарнизонную службу, в том числе и в Москве. Были вызваны на службу также оба тептярских казачьих полка. 1-й, 2-й, 5-й, 8-й, 9-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 19-й башкирские полки, 2-й тептярский, 2-й мишарский и Уфимские пехотный полки победоносно вступили в Париж в 1814 году⁴³.

Многие жители Оренбургской губернии за героизм были награждены различными наградами. Старшина 4-го башкирского полка Асылгузя Бакиров из дер. Каракучуково Белебеевского у. (ныне Чекамагушевский район РБ) за храбрость «в сражениях 10 августа по 6 сентября» 1813 г. был награжден орденом Святой Анны 3-й степени. В аттестате, данном 14 апреля 1814 г. генерал-майором Аклячевым говорится, что Асылгузя Бакиров с апреля 1813 г. и за время продолжения им службы находился в походах в Пруссии, Шлезвиг-Гольштейне, Богемии, Саксонии, Вюртембергском королевстве, герцогстве Баденском и во Франции. В том же 1813 г. А. Бакиров был произведен в подпоручики. 28 января 1823 г. он получил потомственное дворянство и был внесен в родословную книгу Российского дворянства⁴⁴. Боевыми наградами был награжден и есаул 1-го тептярского полка Хамит Сагитов, уроженец дер. Кендек-Тамак Белебеевского уезда (ныне Туймазинский район РБ). 1-й тептярский полк известен тем, что некоторое время он входил в состав партизанского отряда Дениса Давыдова. 2 декабря 1812 г. Х.Сагитов за «отличие во время нахождения в разных партизанских сражениях при поисках неприятеля награжден орденом Святой Анны 3-го класса». 25 февраля 1813 г. «за отличие оказанное при деревне Лиховой и городом Красным» Х.Сагитов был вновь награжден – на этот раз орденом Святого Владимира 4-й степени. Он был дважды ранен, был уволен от службы «за болезнью» в 1815 году⁴⁵. По данным московского историка Д.И.Арапова, еще в 1814 г. в дворянском достоинстве Уфимским дворянским собранием было признано сразу 64 мусульманина, участвовавших в заграничных походах против наполеоновской Франции⁴⁶.

Таким образом, можно констатировать, что многие мусульманские дворянские роды получили дворянские права не благодаря своему происхождению «от благородных предков», а путем старательной государственной, в том числе и военной службы.

⁴⁰ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С.391.

⁴¹ Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964. С.53.

⁴² Рахимов Р.Н. История Уфимского пехотного полка. Уфа, 2004. С.63.

⁴³ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С.397.

⁴⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 531. Л. 7-8; Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964. С. 126, 129.

⁴⁵ ЦГИА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.1748. Л.1-7.

⁴⁶ Арапов Д.И. Мусульманское дворянство в Российской империи // Международный исторический журнал. №5. Август. 1999.

Трансформация института тарханства в постзолотоордынских и российском государстве в XV–XIX веках

Недавно вышедшая исключительно интересная монография А.З. Асфандиярова о башкирском тарханстве свидетельствует о том, что многие вопросы данной темы требуют дальнейшего исследования. Действительно опубликованные и архивные документы говорят нам о том, что к тарханам относились весьма различные группы служилого населения – плативших и не плативших ясак, жалованных поместьями землями и служивших исключительно с вотчинных владений, получавших денежный оклад и не имевших его, участвующих в станичной службе и призывавшихся только на походную службу. Были наконец тарханы, которые не передавали свой привилегированный статус по наследству.

Из всего многообразия критериев, отличающих положение тархана, на наш взгляд, первенствующим являлось наличие поместного владения – суюргала. Отнюдь не все башкирские тарханы были владельцами служилых поместий. Некоторые из них владели ими на территории бывшего Казанского ханства еще в середине XVIII века. Например, в 1746 году Уфимского уезда Казанской дороги команды старшины Зайта Абдулина деревни Кутлугушевой служилый тархан Кутлугул Дюскеев дал купчую ландмилиции Шешминского полка поручику Ивану Лаврентьевичу Тимашеву в том, что продал поместную свою землю на пашню и сенные покосы с бортьями и угодьями до города Самары по реке Кинель выше пригорода Алексеевска за 300 рублей⁴⁷. Все подобные поместные владения были пожалованы еще в период Казанского ханства.

В соответствии с принятыми еще в середине XVI века положением о поместной службе служилый человек никогда не мог получить только один вид оклада – поместный, денежный или хлебный. Даже конные стрельцы и городовые казаки, относящиеся к низшей служилой группе – приборным, получали хлебные и денежные оклады или в исключительных случаях – денежные и поместные. Таким образом, тарханы, владевшие поместьями, должны были верстаться и денежными окладами. Об этом говорят и немногочисленные упоминания в источниках. Так, в 1675 году башкир Казанской дороги Байлярской волости Урай Нагаев бил челом государю пожаловать его поверстать в оклад тархана деда 8 рублей жалованья⁴⁸.

В согласии с установленными правилами поместной службы все служилые люди, получившие поместные и денежные оклады, обязательно должны были быть записаны в городовые десятины. Десятни служили основным документом, на основании которого производилась раздача денежного жалованья провинциальному дворянству⁴⁹. О том, что башкир, пожалованных тарханством, записывали в уфимские десятины свидетельствуют соответствующие указы. Так в 1702 году Бурзянской волости «башкирцы Юмашка Бабраев да Карачучка Сараязов» были пожалованы «за службы дедов и отцов и их службы велеть по породе их написать в уфимскую десятню написать тарханами».⁵⁰ Башкирские тарханы вписанные в уфимскую десятню номинально были приравнены к служилым людям по отечеству. Во второй половине XVII века уфимская администрация отождествляла дачу тарханства и запись в служилое мещеряки. Челобитные о записи мишарей в служилые и башкир в тарханы рассматривались и хранились вместе. При этом наблюдается некоторая зависимость между численностью служилых мещеряков и тархан. В 1661 году числилось 187

⁴⁷ РГАДА. Ф. 615. Оп.1 Кн. 7853. Л. 145.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 676.

⁴⁹ Калачев Н. В. Десятни. Спб., 1875. С.3

⁵⁰ Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. Спб., 1864. С. 38.

башкирских тархан, по спискам же 1681 и 1683 годов - 90 человек.⁵¹ В какой-то мере двукратное уменьшение числа тархан объясняется тем, что 1680 году к конным стрельцам и казакам Уфы была добавлена сотня служилых татар и мешеряков, получавших от 4 до 6 рублей.⁵² Таким образом, военным властям Уфы было необходимо и достаточно иметь около двух сотен служилых мешеряков и тархан.

Следует предположить, что такое незначительное количество служилых людей не предназначалось для походной службы. Действительно почти во всех челобитных служилых мешеряков и тархан XVII века фигурирует только один вид службы – посылки в станицы. В одном из документов говорилось, что отец потомственного тархана Акинчия Таникеева Демской волости Таникей «во многих ваших (т.е. царских. - А. А.)... послугах завсегда и про все находился и по вашему указу посылай был на ваши службы в станицу до Яику и до Ашкадару и в оных дальних и ближних посылках» (1682 г.)⁵³ По утверждению В.П. Загоровского деятельность станичников была профессиональной, а станичная служба была видом постоянной службы, как и стрелецкая или пушкарская.⁵⁴ В Уфимском уезде станичная служба считалась настолько тяжелой и затратной, что в 1690 году уфимских конных стрельцов и казаков освободили от «городовых и острожных поделок...для дальней их службы и отъезжих их караулов».⁵⁵ Самая дальняя уфимская станица в XVII века, отмеченная в документа Уфимской приказной избы, доезжала до Яицкого городка. В 1730 году камерира Уфимской провинции Ф.И. Жилин отметил, что от Уфы до Яицкого казачьего городка верховой ездой летней порой дней 10.⁵⁶

По нашему мнению, именно тарханы посылавшиеся ежегодно на станичную службу вписывались в уфимские десятни и верстались денежными и поместными окладами. Именно среди них следует искать владельцев поместий за пределами Уфимского уезда, главным образом на территории бывшего Казанского ханства. Об этом, в частности говорят и топонимы этих территорий. Селения с названиями Большие, Верхние, Нижние и Красные Тарханы располагаются ныне в Тетюшском районе, Тарханка в Аксубаевском районе, Тархан в Азнакаевском и Балтасинском районах Татарстана. Зафиксирована и фамилия Тархановых среди служилых татар Казанского уезда в первой четверти XVIII века⁵⁷. Селения с названиями Тарханское, Тархан-Ефаево зафиксированы в Темниковском уезде. О наличии тарханов в Мещере говорит и жалованная грамота царя Ивана Васильевича князю Еникею Тенишеву, выданная в 1539 году. В грамоте говорится: «татар из тарханов и башкирцев и можарян, которые живут в Темникове, судить и ведати их по старине, по тому же, как наперед сего судил и ведал отец Тениш»⁵⁸. Тарханы в Темниковском у. прослеживаются и по материалам второй половины XVII века. Так, в 1657 г. отмечены тарханы Кежеватовы, а в 1683 г. «тарханцы» показаны среди жителей д.Атаново (правильнее Атюнино – Б.А., И.Г.)⁵⁹.

В Казанском ханстве пожалование тарханства подтверждалось так называемыми «тарханскими ярлыками» или же «тарханскими грамотами». К настоящему времени известны четыре текста тарханских грамот, выданных казанскими ханами в конце XV – первой половине XVI веков. Впервые подлинный ярлык на тарханство, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем (казанский хан с 1521 по 1524 г.) в 1522 г. был найден археографом С.Г. Вахидовым в 1912 г. в Мамадышском уезде Казанской губернии. В 1963 г. казанским историком Р.Н. Степановым в фонде «Уфимская приказная изба» РГАДА был обнаружен ярлык на тарханство, выданный ханом Ибрагимом (правил в Казани с 1467 по 1479 г.). Еще

⁵¹ Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа, 2006 г. С. 30.

⁵² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 115. Л. 280.

⁵³ Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа, 2006 г. С. 37.

⁵⁴ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж... С. 131.

⁵⁵ РГАДА. Ф.233. Печатный приказ. Кн. 352. Л. 661.

⁵⁶ Материалы по истории БАСССР. Т. 3. М.Л., 1949. № 546.

⁵⁷ Населенные пункты Республики Татарстан. Краткий справочник. Казань, 1997. С.250-256, 366; Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С.243.

⁵⁸ Цит. по: Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999. С.36-37.

⁵⁹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т.1, ч.2. Саранск, 1950. С.262, 429.

два текста тарханских ярлыков в переводе на русский язык, выданные предкам нефтепромышленника и старшины Надыра Уразметова казанскими ханами Мухамет-Амином в 1516 г. и Сафа-Гиреем в 1526 г. выявлены Габдуллиным И.Р. в фонде «Сенат и Сенатские учреждения» РГАДА в 2003 году. В том же году они были опубликованы в книге «Элмэт – Альметьевск»⁶⁰.

Первый из этих ярлыков применительно к суйургальному землевладению был проанализирован казанским историком Ш.Ф.Мухамедьяровым, который выделил ее следующие особенности: 1) обусловленность владения несением военной или иной службы государю; 2) наследственность суйургального владения; 3) налоговый иммунитет; 4) административно-судебный иммунитет⁶¹. Вторым из этих ярлыков впервые был опубликован в журнале «Казан утлары» в 1965 году. Необходимо отметить то, кому был выдан этот ярлык. Это вдова Гуль-Бустан-хатун, ее сын Мухамет-Газиз-хан и их служащий Хуш-Килде. Высокий статус Мухамет-Газиз-хана подчеркивается в грамоте не только тем, что он именуется «ханом», но и представлением его как выходца из царского рода («шах нэселе») и потомком Джанэкэ султана. Да и эпитет «хатун» по отношению к матери Мухамет-Газиз-хана применялся в постзолотоордынских государствах только по отношению к представителям знатнейшей элиты⁶². Султанами же в то время именовали только представителей дома Чингизидов. М.Г.Сафаргалиев прямо связывает эту историческую личность с представителем «золотого рода» Джанэкэ (или Джанаса), дедом казанского хана Улуг-Мухамеда⁶³. Иными словами можно сказать, что один из получателей ярлыка был чингизидом, и являлся близким родственником казанских ханов. Основные положения этого более раннего по времени ярлыка повторяются и в ярлыках казанских властителей Сахиб-Гирея, Мухамет-Амина и Сафа-Гирея. В последнем из этих ярлыков, выданных в 1526 г. Хасяну и Хосяину Асылходжиным любопытным моментом является то, что по отношению к этим тарханам применено не переведенное переводчиками словосочетание «Яобуроше», которое означает «обязанные военной службой».

Таким образом, определяющим фактором при жаловании тарханством являлась военная служба. Основу же войска в постзолотоордынских государствах, как и в более раннее время, составляли конные рати. В связи с этим, в земледельческом государстве каким являлось Казанское ханство, местные правители вынуждены были обращаться за военной поддержкой в кочевые степи, по сути дела нанимая на службу степную элиту. Конное войско нанималось, прежде всего, в Ногайской Орде, в т.ч., по выражению московского историка В.В.Трепавлова, в Ногайской Башкирии, наиболее близкой территориально к Казанскому ханству. В какой-то мере именно с этим обстоятельством связано появление нового колеса в казанской арбе – Ногайской даруги (бывшая «Беловоложская земля»). Нанятые на службу степные воители жаловались поместьями с ясачным крестьянским населением в непосредственной близости от Казани. Кроме того, они же владели и вотчинами на границах Казанского ханства и Ногайской Орды. Видимо, этим можно объяснить наличие «ицких» волостей в бассейне р.Ик: Айлинской, Бурзянской, Кыпчакской, Минской, Табынской, Тамьянской и др., территориально оторванных от основного ядра материнских волостей Ногайской Башкирии.

О военной службе в Казанском ханстве выходцев с территории будущего Уфимского уезда имеются многочисленные свидетельства. В частности, можно отметить целый ряд топонимических параллелей, связанных с племенной структурой Ногайской Башкирии. Крупнейшей родоплеменной волостью в Уфимском у. была, как известно, Минская волость. С минцами связаны такие населенные пункты Татарстана как Мингер Сабинского района,

⁶⁰ Амирханов Р., Габдуллин И. Надыр Уразметов // Элмэт – Альметьевск. Казань, 2003. С.290-291.

⁶¹ Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. Вторая итоговая конференция молодых ученых города Казани 27-28 марта 1964 г. Казань, 1966. С.98-99.

⁶² Усманов М., Мухамедьяров Ш., Степанов Р. Новый ярлык // Казан утлары (на татарском языке). №8. 1965. С.146-149.

⁶³ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. Родословная таблица.

Новый Менгер Арского и Старый и Большой Менгер Атнинского и на нагорной стороне с.Шонгуты (татарское название – Мен или Шонгаты) Апастовского районов. В старинных преданиях в ряде этих селений говорится, что часть их предков была из захваченных в плен «минцев», подчеркивается также особая роль коневодства в начальный период истории селений⁶⁴. В Муслюмовском районе расположены такие селения как Верхний и Нижний Табын, Тамьян, Кряш-Шуран и Татарский Шуран. Можно назвать также Старое и Новое Дуваново Дрожжановского района, Карадуван Балтасинского, Старый и Новый Тазлар Арского районов. Кроме того, на территории современного Татарстана отмечены топонимы с выраженной этнической или же политонимической окраской. Так, в окрестностях с.Старый Багряж-Елхово на западе Альметьевского района имеется «башкирское кладбище» («башкорт зираты») с пятью надгробными камнями и тамгами. Здесь же были найдены фрагменты керамики близкой посуде чияликской культуры. Неподалеку располагается и каменный бал-бал (каменная баба) со знаком-тамгой на груди. «Башкирское кладбище» располагается и у с.Катмыш Муслюмовского района. На могильнике над могилами были сооружены небольшие курганы. Имеются и надмогильные плиты, один из которых датируется XIV веком⁶⁵. Широко распространены топонимы, касающиеся ногайцев – «Нугай кабере» («ногайская могила») и «Ногай коесы» («ногайский колодец») в Пестречинском районе, «Нугай елгасы» («ногайская речка») в Сабинском и Альметьевском районах, «Нугай тавы» («ногайская гора») в Зеленодольском и Арском районах и т.д.⁶⁶. По преданиям башкир дер. Кучербаево Стерлитамакского уезда, всю западную часть Уфимской губернии, включая Мензелинский и Бугульминский уезды, до присоединения региона к русскому государству занимали ногайские племена⁶⁷. Об этом же, опираясь на народные предания и легенды, писали и земские статистики в XIX в., отмечая, что ногайские татары в Бугульминском, Ставропольском, Бугурусланском и Бузулукском уездах проживали «со времени первого появления орды в Поволжье»⁶⁸. Ими же отмечалось наличие валов ногайских времен в бассейне р. Шешма Мензелинского уезда. Об этом в частности писал уфимский статистик Н.А. Гурвич, отмечавший, что в трех верстах от с. Багряш (имеется в виду с. Старый Багряж-Елхово Альметьевского района РТ) находится местность, называвшаяся «Ногайским городком» или же «Ногайским жилищем», в котором жил, согласно местным преданиям, «ногайский хан, современник и едва ли не родня Мамаю». Здесь же располагались остатки вала длиной в 320 сажень и лес также называвшийся «Ногайским»⁶⁹. Наличие крупного центра, в котором пребывал хан в бассейне р. Багряж во времена эмира Тамерлана рассказывается и в «Тэварихы Болгария» Муслими⁷⁰.

Имеются и многочисленные письменные свидетельства о пребывании, как башкир, так и ногайцев в Казанском ханстве и уезде. По писцовой книге Казанского у. 1602–1603 гг. в д.Шатки Ногайской даруги (ныне с.Шадки Тюлячинского района РТ) проживал «башкирский князь» Тятигач Муралеев⁷¹. Он же был связан и с д.Чиндырево той же дороги, которая в 1591 г. была жалована ему и служилому татарину Ишею Наурузову⁷². Видимо, И.Наурузов также был выходцем из Ногайской Орды, т.к. в Казанской губернии в начале

⁶⁴ Ахметзянов М.И. История села Большой Менгер (на татарском языке). Казань, 2000. С.10; Исаков Д.М. О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С.137.

⁶⁵ Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. Альметьевск, 1999. С.41, 96.

⁶⁶ Исаков Д.М. О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С.136.

⁶⁷ Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII – XVIII вв. М., 1988. С.98.

⁶⁸ Самарская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т.36.– С.-Пб., 1877. С.74.

⁶⁹ Справочная книга Уфимской губернии (составитель Н.А. Гурвич). Уфа, 1883. С.339; Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 года. Т.45. С.-Пб., 1877. С.74.

⁷⁰ Мослими. Тэварихы Болгария (Болгар тарихы). Казань, 1999. 89 б.

⁷¹ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста Р.Н. Степанова. Казань, 1978. С.42-43.

⁷² Там же. С.49-50.

XIX в. известны татары, ведшие свое происхождение от башкирских князей Наурусовых⁷³. В какой-то мере с Башкирией связан и герой общетюркского эпоса «Чура-батыр» казанский князь Чура Нарыков, являвшийся главой клана Аргын в 1520-1540-е годы. Хотя, эпос и показывает Чуру Нарыкова как выходца из Крыма, но есть и ряд моментов, которые связывают как его род, так и клан Аргын с Башкирией. Так, в шежере племени тамьян-катай показан отец Чуры Нарык, названный там «мирзой». Сами же тамьянцы по эпосу «Чура-батыр», входили в состав клана Аргын⁷⁴. С присоединением Казанского ханства к Московскому государству, видимо, часть тамьянцев осталась на своей поместной земле и именовалась служилыми татарами. К середине XVII в. эти служилые татары проживали в д.Шырдан Свияжского уезда. Позднее, они оказались в Надыровской волости, где ими была основана д.Кульшарипово (ныне в Альметьевском районе Татарстана). В 1744 г. служилые татары из д.Кульшарипово Кульшарип Дюсметев и другие «по крепостной уступочной записи» приобрели часть земель у служилых тархан Кульмаметева и Шарипова по р.Кинель и переселились в основанную ими д.Мукменево Тамьянской волости⁷⁵. При этом, по родословной тамьянских башкир Кулшариф сын Дусмухамеда оказался потомком башкира Тамьянской волости князя Шагали Шакмана⁷⁶. По преданиям же жителей д.Кульшарипово, селение основал Кулшариф, внук Юлдаша, переселившийся из д.Шырдан нынешнего Зеленодольского района Республики Татарстан. Из того же селения Шырдан переселился и Юлдаш, основатель д. Кичучатово (ныне в Альметьевском районе Татарстана) и пращур Ризы Фахретдинова.

Другой известной группой тарханов являлись потомки лиц, жалованных тарханством в 1523 г. казанским ханом Сахиб-Гиреем. Этот тарханский ярлык был выдан Шихахмеду Мухаммедову, Абдалу и Балашу Шихахмедовым и их товарищам, всего семь человек. Этот ярлык впервые упоминается в ходе спорного дела о вотчине между ясачными татарами Акешкой Доскеевым, Мурзакайко Юкачевым «с товарищи» и башкирами Иректинской волости. Сама грамота была во владении ясачных татар, утверждавших что «жалованную грамоту» на ту вотчину была дана «деду ево Доскейки Белякова». Возможно, Беляк этого документа и Балаш названного ярлыка одно и то же лицо. В ходе рассмотрения этого дела башкиры окрестных волостей заявили, что «та де вотчина татарская Акешкова с товарищи, а не башкирская и владели истари деды и отцы их Акешковы и товарищей ево». Башкиры же Иректинской волости (племя иректе являлось частью табынского племени), оказавшиеся потомками Абдала Шихахмедова утверждали, что владения ясачных татар Акешки и его товарищей располагались «по Зюрейской дороге деревни Малые Суни... да деревня Балтачева Атойма тож... да деревни Ныс». Сами же ясачные татары заявили, что «в Казанском уезде деды их живали... как города Уфы не было», а «та де вотчина (по р. Ик – Б.А., И.Г.)... написана в Казани в прежних ясачных книгах после Казанского взятия в первых летех». Видимо, владения по Зюрейской дороге были даны этой группе как поместье, а вотчины располагались по р. Ик. Пребывание же табынцев зафиксировано в Мамадышском уезде. Позднее, Акешка Доскеев с товарищами оказался в числе «башкир тарханского роду»⁷⁷. Из этого же «тарханского» рода и башкирское население д. Исламбахты нынешнего Ермакеевского района РБ. В их родословной встречается имя Юкачи, которое, видимо, имеет прямое отношение к ясачному татарину Мурзакаю Юкачеву⁷⁸.

Такая же ситуация сложилась и с потомками тарханов Хусаина и Хасана Асылхужиных, проживавших к 1678 г. в д. Адаево Зюрейской дороги Казанского уезда. К этому времени этот род попал в число ясачных татар. Потомки этих тархан, проживавшие в д.Ермаково

⁷³ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С.24-25.

⁷⁴ Там же. С.48-51.

⁷⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1328. Л. 263, 269 об.

⁷⁶ Башкирские родословные. Вып. 1. Уфа, 2002. С. 130.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 766. Л. 2 об; Д. 769. Л. 7–9; Исхаков Д.М. От средневековых татар. С.147.

⁷⁸ Ахметзянов М. Татар шэжэрэлэре. Казан, 1995. 83б.

нынешней Самарской области в своей «летописи» утверждали, что их предкам были дарованы земли в районе Бугульмы⁷⁹. Видимо, имея поместья на Нагорной стороне Волги и в окрестностях Казани, своими вотчинными землями на периферии ханства по р. Зай, они владели лишь наездами. Именно потомки этого тарханского рода положили начало основанной ими Надыровской волости. По сведениям межевых контор, Надыровская волость получила свое наименование «от татарина Надыра Уразметева, который, отыскав еще до 1719 г. пустопорозжую землю между уездами Казанским и Уфимским, по рекам Заю, Шешме и Черемшану» поселился там вместе с другими «инородцами»⁸⁰. Но все же этот род помнил свои «служилые» корни. Так, один из родственников Надыра Уразметова Уразко Байбуурин еще в 1690 г. подает челобитную с просьбой записать его в тарханы, указывая при этом на то, что родственники его «исстари служили царю... по Уфе в тарханах»⁸¹. Принадлежность Надыра Уразметова и его родственников к татарской феодальной верхушке подтверждается и прошением Юсупа Надырова 1777 г. о снятии с него и его родственников подушного оклада, в связи с «тарханством» его предков (в 1781 г. его просьба была удовлетворена)⁸². Подтверждением данной формулы может служить и упоминание в некоторых документах того периода этой волости как «Надыревой служилых татар». В указе, данном Надыру Уразметеву в 1735 г., во время начала народного восстания 1735–1740 гг. предписывалось «выбрать служилых мещеряков и татар лутчих людей вооруженных сколко человек возможно... и явитца в команды господина статского советника Кирилова»⁸³.

Еще одним известным родом служилых татар, выходцев из Башкирии, были Манашевы. В шежере племени Кыпчак, родоначальник рода показан как Монаш (или Мунаш) би⁸⁴. Сам род Манашевых связан со служилыми татарами д.Кугарчин нынешнего Рыбно-Слободского района Татарстана. Впервые род Манашевых упоминается в 1618 г., когда «тарханную грамоту» на «бобровые ловли, что за Камою-рекою по Кинель-речке» получил служилый тархан д.Кугарчин Ногайской дороги Казанского уезда Килей Монашев. В том же 1618 г. «служилые тотаровя» Ишей Хозяшев и Килей Монашев получили поместную землю по Зюрейской даруге «что бывало исстари городище Чаллинское»⁸⁵. Вотчина же по р.Кинель еще в 1613 г. была дана брату Килея Булату Монашеву, в то же время поместная земля Манашевых оставалась в Казанском уезде. Известно, что к 1690-м гг. у служившего «по Казани» сына Сулеймана Монашева Юсупа поместье находилось в д.Челны Зюрейской даруги, а вотчина его располагалась «за Камою-рекою по Кинеле-реке по обе стороны до вершины да по Кинельчике реке по обе ж стороны до вершины да по двум рекам Саврушам да по третьей речке Аманаке (Аманат — Б.А., И.Г.), что промеж ими течет да по Зичайке (Зычи — Б.А., И.Г.) речке»⁸⁶. В 1699 г. (1690–1691 г. — Б.А., И.Г.) на эти же земли по реке Кинель была дана грамота служилому татарину Ишейке Тохтарову, чей дед являлся двоюродным братом Килея Монашева»⁸⁷. Начиная с XVII в. на данной территории локализуется Кыпчакская волость Казанской даруги Уфимского уезда, включая и «Ицкие волости» (реки Зыча, Аманат, Савруш). Потомки Манашевых, носившие позднее фамилии Манашевых, Акбулатовых и Сулеймановых, при этом уже именуются башкирами-вотчинниками. Иначе говоря, эти башкирские тарханы как по своему положению, так и по

⁷⁹ Исхаков Д.М. Юго-Восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XV-XVI вв. // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. Региональная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. — Альметьевск, 1999. С.17-18; его же. Из истории села Старое Ермаково Клявлинского района Самарской области // Из истории Альметьевского региона. Вып.1. Альметьевск, 1999. С.323.

⁸⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 342.

⁸¹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1087.

⁸² МИБ. Т. IV, ч. 2. М., 1956. С. 594.

⁸³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 169. Л. 121 об–122.

⁸⁴ Башкирские шежере. Сост. Р.Г.Кузеев. Уфа, 1960. С.97-99.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 153. Л. 391.

⁸⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6402. Л. 22–28.

⁸⁷ Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1298. Л. 45–47.

сословной принадлежности мало, чем отличались от служилых татар⁸⁸. В данном контексте интересно высказывание тархана Кыпчакской волости Давлетбая Сурбаева, который имея в виду служилых татар других областей Российского государства говорит: «А в Казани де и в Свияжском и в Чебоксаре и во всех понизовых городех по нашему указу с их братьи служилых тарханов подводы не емлют»⁸⁹.

Сохранились сведения о даровании тарханства также в народных преданиях и шежере. Так, башкиры-гайнинцы свое происхождение вели «от поколения тарханова, обитавшего в Булгарской области». Уроженцы же Бураевского района Башкортостана вели свое происхождение от Ялдака тархана, жалованного за службу Казанскому хану землями по р.Белой»⁹⁰.

Известны и случаи причисления служилых татар в тарханы. Так, в грамоте за 1702 г. в тарханы были написаны служилые татары д.Базы Кутлуметко Кулушев, Уразака Ишметев, Алийка Ишметев и д.Янгаз-Нарат Абдрахман Каминкин. Упомянутый в этом списке Кутлуметко (Кутлумбетко) Кулушев, видимо, имеет прямое отношение к подавшему в 1685 г. челобитную о тарханстве жителю д. Танламас Казанской дороги Кутлуметко Кутлугушеву. Эта деревня издавна входила в состав Кыр-Иланской волости, в этой же волости отмечена и Танламасовская тюба. При подаче своего челобитья он также предъявил ярлык на тарханство, выданный казанским ханом Ибрагимом (правил в 1467–1479 годах). По его утверждению «в прошлых годех давних служили деды и отец мой в служилых тарханех». Тарханы в Кыр-Иланской волости были известны еще со времен «Еналеевского бунта» в 1615 году. За участие в поимке Еналея Емаметева эти тарханы получили поместья. Позднее эти служилые татары – тарханы оказались в составе башкир⁹¹.

С тарханами и служилыми татарами связан также ряд населенных пунктов юго-востока Республики Татарстан, в частности, Тайсуганово, Кульшарипово и Кичучатово (ныне Альметьевский район). По преданиям, д. Тайсуганово основано Абдрахманом (Абдрахман Туймухаметов — Габдрахман бине Туймухэмэт аль-Бикчураи) (1691–1764), пришедшим со своими родственниками с р.Кинель со стороны Бугуруслана из д. Галино. Известно, что эта деревня состояла в Султангуловской волости Бугурусланского уезда. В ней проживали башкиры Кыпчакской волости, ведшие свой род от тарханов Манашевых. Какое-то время Абдрахман Туймухаметов проживал и в д. Муртыш-Тамак Байлярской волости. При этом байлярское племя во время ногайского господства на Южном Урале (по крайней мере до XVI в.) входило в состав кыпчакского племенного объединения.

На какой же ступени феодальной лестницы в Казанском ханстве стояли тарханы? В этой связи нам хотелось бы обратить внимание на некоторое сходство положения тархан Казанского ханства и служилых татар Московского государства. В целом единый по статусу институт служилых татар был неоднороден – в него входили как потомки Чингизидов, князья, мурзы, так и простые служилые и кормовые татары. Такое же положение было и с тарханами Казанского ханства. Наряду с рядовыми тарханами, тарханские права отмечены и у Чингизидов. В целом основная масса тарханов, видимо, стояла невысоко в иерархической лестнице ханства. В этой связи любопытным является упоминание в ярлыке Ибрагима хана вместе и в одном контексте тарханов и «илче». Как известно, Казанское ханство

⁸⁸ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 196. Л. 2, 3, 5; Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864. С. 44; Любавский М.К. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв. // ОР РГБ. Ф. 364. Оп. 7. Д. 8. Л. 2.

⁸⁹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.319. Л.1.

⁹⁰ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С.341; Ахметзянов М.И. Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа (на татарском языке). Казань, 2002. С.306.

⁹¹ Габдуллин И.Р. К вопросу об этносословной эволюции тюркского населения Уфимского уезда (губернии) в XVII–XIX вв. // Единство татарской нации. Материалы научной конференции АН РТ «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации (Казань, 7-8 июня 2002 г.). Казань, 2002. С.225.

административно подразделялось помимо даруг на «или» - низшие административные единицы (волости в русском понимании этого слова).

С насильственным включением в состав Российского государства «подрайской земли» по средней Волге и Каме и добровольным присоединением башкир, статус тархан несколько меняется. В первую очередь это было связано с тем, что, согласно статье 43-й Судебника 1550 г., тарханный иммунитет в Московском государстве был отменен⁹². В этих условиях феодальная элита Казанского ханства была включена в состав института служилых татар, уже сложившегося к тому времени. Также как русские служилые люди они жаловались поместьями и вотчинами, записывались в десяти, верстались поместным и денежным окладом. Иначе обстояло дело на окраинах Российского государства, куда руки властей доходили крайне редко.

И. Габдуллин, М. Роднов

К истории формирования населенных пунктов Альметьевского региона в XVII-XX веках.

По имеющимся материалам можно выделить несколько этапов заселения Юго-Востока Татарстана в период XVII-XVIII вв. Всего можно выделить четыре этапа образования населенных пунктов в регионе. Временные рамки первого этапа формирования населенных пунктов региона следует отнести ко времени второй половины XVII-XVIII вв. Именно в этот период сформировалась основная структура населенных пунктов региона, существующая практически без больших изменений до настоящего времени. Вторым этапом, включающим в себя весь XIX в., можно охарактеризовать как этап внутренней колонизации. Третий этап связан, прежде всего, со столыпинской аграрной реформой. Четвертым этапом, который можно назвать советским, включает в себя весь советский период истории края.

Первый этап. Характеризуя этот период, в первую очередь следует выделить автохтонное население, на которое, впоследствии, наслонилось пришлое население. По преданиям башкир д. Кучербаево Стерлитамакского уезда всю западную часть Уфимской губ., включая сюда Мензелинский и Бугульминский уезды, до присоединения к русскому государству занимали ногайские племена¹. Родоплеменной же состав башкир Казанской дороги находит свои параллели и среди ногайских татар. Таковыми можно назвать племена керейт (у башкир гарей), канглы (канглы), кыпчак (кыпчак), мин (мин), байулу (байляр). Одним словом, племена Ногайской Орды и последующих ее производных равнозначны племенам, населявшим северо-западную и западную часть Уфимского уезда. При этом, такие родоплеменные объединения как байляр, елан, дуваней, шемшадин, юрми, иректе, кубов ранее являлись подразделениями более крупных объединений. Любопытным является и то, что вплоть до начала XX в. среднеазиатские народы называли татар и башкир Поволжья и Приуралья ногайцами.

Ведущую роль в хозяйстве ногайских племен занимало скотоводство. По этой причине долговременных поселений у них, видимо, не было. После ногайско-калмыцких столкновений в первой трети XVII в. часть ногайских племен была вынуждена под давлением калмыцких улусов уйти с территории Приуралья за Волгу, оставшаяся же часть была сдвинута севернее к р. Кама. Именно это население позднее фигурирует в источниках как «башкирское». Несмотря на уход с лесостепных пространств Южного Приуралья, прежние угодья (вотчины) оставались за «башкирским» населением Восточного Закамья. Так, в одном из документов относящихся к 1704 г. говорится о припуске башкирами Байлярской волости другой группы башкир этой же волости в «вотчину свою в Самарскую». Здесь же приводятся и границы владений: «верхняя межа Токское устье нижняя межа Чюлак болоты и оремы а по стороне той вотчины межа Бузавлук со всеми угодья а по другую

⁹² Каштанов С.М. Отмена тарханов в России в середине XVI века // История СССР. №6. 1986. С.40.

сторону межа ... Шертмыш речка»². В то же время первые упоминаемые селения в Байлярской волости находятся далеко на севере - за Камой рекой и у Камы. Такого же рода удаленность владений прослеживается по Кыпчакской и Кыр-Иланской волостям.

Из-за постоянной угрозы нападений со стороны калмыков населенные пункты на территории современного юго-восточного региона Татарстана к середине XVII в., видимо, были недолговременными и существовали в периоды относительного спокойствия. В 1643 г. башкирам Тохтамышке Шихдербаеву, Токатке Кутееву, Янбатеке Янсеитову были жалованы земельные угодья при дер. Сарали (позднее д. Сарайлы-Бикметово Сарали-Минской волости). Далее им указывалось: «владеть до тех мест, как за ними помесную землю измерят, а вотчину бортной ухажей опишут государевы писцы и мерщики»³. Этой же группе населения еще в 1595 г. были даны земли в Предкамье по бассейнам рек Тойма, Каринка (Елабужский район) и в Закамье по рекам Кабан, Мелекес, Ирня, Ургуда, Ирня и др.⁴. В документе за 1650 г., который касается Байлярской деревни Тышки-Иланской волости упоминаются наряду с башкирами д. Гулюково, Деуково, Толубаево, Салагуш башкиры, живущие на р. Ирне (ныне р. Лесной Зай)⁵. В те же 1650-е годы упоминается деревня служилого татарина Алея Емашева Ашбулатова Алеева тож, находящаяся “за камскою засекою за валом” на р. Мензеле⁶. В ходе ведения спорных дел о землях Юрминской и Надыровской волостей выяснилось, что часть татар и тептярей этой волости утверждали о владении их этими землями «из давних лет ... с 7133-го, 135-го и 184-го (1624 – 1625, 1626 – 1627, 1675 – 1676 – Г.И., Р.М.) до 1719-го года»⁷.

Начало колонизационного процесса заселения юго-восточного региона Татарстана хронологически можно соотнести к концу XVII – первой трети XVIII в., когда на эту территорию переселялись в основном нерусские народы Казанского уезда (к этому времени территория региона находилась в ведении Казанского и Уфимского уездов). Это переселенческое движение стало результатом общего усиления крепостнического и фискального гнета в России. Апофеозом этого гнета стало введение в стране подушной подати. Ландратские книги того времени пестрят данными о сбежавших из Казанского уезда жителях. По подсчетам Н.А. Фирсова из Казанского уезда за 1710–1714 гг. выбыло более 35 тысяч крестьянских дворов, большинство из которых бежало в Уфимский уезд⁸. Правительство вынуждено было даже издать указ о расположении “по Башкирскому рубежу” драгунского полка для удержания беглецов⁹.

Для характеристики и датировки переселенческого движения этого периода есть ряд как опубликованных, так и неопубликованных источников. В «Ведомостях» земских исправников о числе тептярей по Бугульминскому уезду, датируемых 1840 г. по большинству тептярских селений приводятся данные о времени заселения их в той или иной деревне. По некоторым из селений были собраны документы, подтверждающие их жительство с того или иного времени, по другим, видимо, записи велись со слов жителей. Так, тептяри д. Нижнее Якеево (ныне Азнакаевский район РТ) показали, что в данном селении “по припуску башкир” проживали более 170 лет. То есть, это селение существовало уже с 1670 г.¹⁰. Документом в какой-то мере подтверждающим слова жителей д. Нижнее Якеево является дело за 1702 г. В этом деле говорится о том, что жители д. Кутуево (ныне Чекмагушевский район РБ) ранее проживали в д. Девлетбахтино Уфимского уезда, а еще раньше – в д. Ашитбаш Арской даруги Казанского уезда¹¹. Позднее, Девлетбахтино называлось Верхним Якеево (в настоящее время Мальбагушево) и в настоящее время располагалось в двух километрах от Нижнего Якеева. В тех же “Ведомостях” тептяри д. Кудашево нынешнего Бугульминского района сообщили, что проживают в селении более 140 лет, то есть заселились на рубеже XVII – XVIII вв. По сообщениям жителей д. Сарабеккулово и Верхние Чершылы, они проживали в данных селениях более 150 лет¹². Об этом же сообщила статистикам часть д. Бишмунча, входивших в 1-ю тептярскую команду, что заселились они 140 лет, а по словам тептярей, входивших во 2-ю команду деревня заселена ими «120 лет тому назад». Данные о том, что они заселились 120 лет назад, кроме того, сообщили тептяри д. Маметево, Шарлама, Кичучатово, Верхняя Мактама. Жители д.

Альметеево сообщили, что заселились они «121 год тому назад», то есть около 1719 года. Еще более «удрежняющие» данные сообщили жители деревень Чупаево (170 лет), Урсалабашево (190 лет), Кульшарипово (190 лет), Сулеево (150 лет), Новое Каширово (130 лет)¹³.

Такая же картина наблюдается в освоении бассейна р. Ик, богатой в то время «черными лесами», а значит и «бобровыми гонами», «бортными угожьями». В то же время леса представляли собой естественную защиту от набегов кочевых калмыков и каракалпаков. Вотчинные угожья как башкир, так и ясачных татар и «чувашей» Уфимского и Казанского уездов в этом районе зафиксированы еще с конца XVI века. Хотя, видимо, в большинстве случаев это население владело своими вотчинами только «наездами», но ряд селений существовавших в XVII в. все-таки зафиксирован в источниках: Атрякле (основан около 1685 г.), Мушуги, Поисеево, Ташлыяр, Игиня. Еще до 1678 г. были основаны деревни Нижний и Средний Налим, Керекес и ряд других селений. В период между 1678 и 1711 гг. основаны такие селения как Чубар-Абдулово, Тавлу-Дрюш, Нижние Мелли, Малтабар, Новая Ирня и др.¹⁴. Такого же рода сведения сохранились в ведомостях о мечетях Самарской губернии. Так в 1876 г. приходское духовенство сообщило, что в д. Сулеево приход существует с 1676 г., в д. Асеево, Агирзя, Сапеево, Алькеево с 1696 г., в д. Бишмунча с 1718 года¹⁵. В другом документе по д. Асеево говорится, что мечеть в ней построена в 1704 году¹⁶. В деле о мусульманских приходах Бугульминского уезда за 1915 г., о приходе 1-й соборной мечети д. Бишмунча сообщается, что «существует более 200 лет»¹⁷. Все это вместе взятое позволяет сделать вывод, что к первым десятилетиям XVIII в. освоение региона носило редкий и нерегулярный характер.

Активное освоение лесостепных пространств Юго-Востока Татарстана началось лишь с 1720-х гг. и было связано прежде всего с деятельностью старшины Надыровской волости Надыра Уразметова. Говоря о Надыровской волости в одной из своих челобитных Надыр Уразметов указывал, что «ту волость в прежних годех он населил». И сам Надыр Уразметов, и его сын Юсуп Надыров отмечали, что земли Надыровской волости «жалованные», «вотчинные», имея в виду, прежде всего, пожалование этой территории своим предкам. Вероятно, по этой причине Н. Уразметов во многих своих прошениях указывал, что он из рода «Асля Мозякова» (19).

Касаясь же населения Надыровской волости, необходимо отметить, что ее основу составили служилые татары. Не случайным является упоминание в некоторых документах того периода этой волости как «Надыревой служилых татар». В указе, данном Надыру Уразметеву в 1735 г., во время начала восстания 1735-1740 гг. предписывалось «выбрать служилых мещеряков и татар лутчих людей вооруженных сколко человек возможно ... и явитца в команды господина статского советника Кирилова» (20). Ко времени V-й ревизии этих служилых татар в Бугульминском у. насчитывалось 3107 душ (21). То, что основу населения Надыровской волости составили служилые татары иллюстрируют и другие документы того и более позднего времени. Прежде всего - это шеджере Надыра Уразметова, опубликованное впервые Ризой Фахреддином в журнале «Шура» в 1914 г. По этому шеджере мы видим, что предки Надыра Уразметова были из тарханского рода. Упомянутые в шеджере имена приводят к параллелям с названиями населенных пунктов Надыровской волости. Здесь и имя самого Надыра Уразметова, Сеита, Абдрахмана, Иштиряка, Ярмака (Ермака) (22). В этот ряд же можно поставить такие имена родоначальников селений как Мамета Иштирякова, Альмета Сеитова, Исмагила Кильметева. Общим для всех этих имен, или же для этих людей и их потомков, кроме самого Надыра Уразметова и его ближайших родственников, является то, что все они с середины XVIII века фигурируют в составе тептярского сословия. Данные шеджере подтверждают и «летописи старожиллов» с. Старое Ермаково Самарской области (23). Со служилыми татарами связаны и ряд и других селений Альметьевского региона, в частности Тайсуганово, Кульшарипово и Кичучат. По преданиям, Тайсуганово основано Абдрахманом (Абдрахман Туймухаметов – Габдрахман бине Туймухэмэт аль-Бикчураи) (1691 – 1764), пришедшим со своими родственниками с р. Кинель со стороны Бугуруслана из дер. Галино. Известно, что эта деревня состояла в

Султангуловской волости Бугурусланского уезда. В ней проживали башкиры Кыпчакской волости, ведшие свой род от тархан Манашевых. В то же время какое-то время Абдрахман Туймухаметов проживал и в д. Муртыш-Тамак Байлярской вол. При этом байлярское племя во время ногайского господства на Южном Урале (по крайней мере до XVI в.) входило в состав кыпчакского племенного объединения. Сам род Манашевых связан со служилыми татарами дер. Кугарчин нынешнего Рыбно-Слободского района РТ. Впервые род Манашевых упоминается в 1618 г., когда «тарханную грамоту» на «бобровые ловли, что за Камою рекою по Кинель речке» получил служилый тархан дер. Кугарчин Ногайской дороги Казанского уезда Килей Монашев. В то же время в том же 1618 г. «служилые тотаровя» Ишей Хозяшев и Килей Монашев получили поместную землю по Зюрейской дороге «что бывало исстари городище Чаллинское» (24). Вотчина же по р. Кинель еще в 1613 г. была дана брату Килея Булату Монашеву, убитого позднее во время службы. Поместная же земля Монашевых оставалась в Казанском уезде. Известно, что к 1690-м гг. у служившего «по Казани» сына Сулеймана Монашева Юсупа поместье находилось в дер. Челны Зюрейской дороги. Вотчина же его располагалась «за Камою рекою по Кинеле реке по обе стороны до вершины да по Кинельчике реке по обе ж стороны до вершины да по двум рекам Саврушам да по третьей речке Аманаке (Аманат – Г.И., Р.М.), что промеж ими течет да по Зичайке (Зычи – Г.И.) речке» (25). В 1699 г. (1690 – 1691 г. – Г.И, Р.М.) на эти же земли по реке Кинель была дана грамота служилому татарину Ишейке Тохтарову, чей дед являлся двоюродным братом Килея Монашева (26). Уже начиная с XVII в., на данной территории локализуется Кыпчакская волость Казанской дороги Уфимского уезда, включая и «Ицкие волости» (реки Зыча, Аманат, Савруш). Потомки Монашевых, носившие позднее фамилии Манашевых и Сулеймановых, при этом уже именуются башкирами – вотчинниками. Здесь же в непосредственной близости к Кыпчакской волости располагалась и Тамьянская волость с дер. Мукменево, которая связана с дер. Кульшарипово Альметьевского района РТ. По 7-й ревизии 1834 г. в дер. Мукменево проживало 193 души мужского и 192 души женского пола башкир – вотчинников и 13 (7-6) башкир – припущенников (27). Начало этой деревне положила продажа в 1744 г. части своей земли служилыми тарханами Кульмаметевым и Шариповым «по крепостной уступочной записи» служилым татарам Надыровской волости, в т.ч. Кульшарипу Дюсметеву, по р. Кинель (28). При этом, по родословной тамьянских башкир Кулшариф сын Дусмухамеда оказался потомком башкира Тамьянской волости князя Шагали Шакмана (29). По преданиям же жителей дер. Кульшарипово, селение основал Кулшариф, внук Юлдаша, переселившийся из дер. Шырдан нынешнего Зеленодольского района РТ. Из того же селения Шырдан переселился и Юлдаш, основатель дер. Кичучатово и пращур Ризы Фахредина.

Освоение территории будущего Бугульминского уезда связано и с правительственными мероприятиями по охране границ и обслуживанию тракта между Казанью и Оренбургом – Ново – Московской дороги в 1730 – 1740-е гг. Не последнюю роль в освоении края сыграла и начавшаяся проводиться политика насильственной христианизации народов Поволжья. Начало строительства Новой Закамской оборонительной линии было положено указом Правительствующего Сената от 19 февраля 1731 г. В последовавшем вслед за этим указе императрицы Анны Иоанновны от 18 марта 1732 г. говорится “старые пригородки все которые не в подушном окладе находятца кроме Мензелинского перевесть к линии и поселить в пристойных местах пригородками и чтоб во всяком пригородке было по 500 душ ...” (30). Всего на Юге-Востоке Татарстана в период 1731 – 1733 гг. появились следующие укрепленные пункты – Кичуевский, Черемшанский и Шешминский фельдшанцы. Кроме того, в последующее десятилетие были поселены Кувацкая, Бугульминские и Письмянские слободы, населенные в основном военными поселянами. На Ново-Московской дороге среди мероприятий правительства следует выделить отвод земли под поселение 14 деревень чемоданных (ямских) татар. Желая привлечь переселенцев на Ново-Московскую дорогу, которая проходила и через Надыровскую волость, Правительствующий Сенат установил льготы для переселенцев, в виде освобождения от платежей и повинностей (31). Кроме

правительственной колонизации края имела место и вольная колонизация, связанная с правительственными мерами по христианизации народов Поволжья. Именно, в связи с этими мерами в Юго-восточном регионе Татарстана возникают такие населенные пункты как Суркино (ныне Старое Суркино Альметьевского района), Ильбяково (ныне Азнакаевский район) и др. Так, дер. Ильбяково (в XVIII в. эта деревня именуется Абдулово Аманатские вершины тож) была основана в 1755 г. служилыми татарами в основном Пензенского и Верхне-Ломовского уездов, в частности из дер. Решетино. А эта деревня известна по попыткам Ярцева в 1744 г. окрестить ее жителей. Среди переселенцев из этой деревни есть и имя будущего ученика муллы Мурата и сподвижника Пугачева Аита Уразметева из рода мурз Такташевых (32). По легендам же жителей дер. Суркино (чуваши живущие в этой деревне вплоть до советского периода истории региона в основной своей массе оставались язычниками) они бежали от насильственного крещения с правобережья Волги.

Вторая половина XVIII в. характеризуется усиленной помещичьей колонизацией края. После указа от 11 февраля 1736 г. о разрешении дворянам, офицерам и чиновникам покупать башкирские земли, умиротворения края после восстания 1735 – 1740 гг. и начавшегося горнозаводского бума на территории Юго-Востока Татарстана начинают появляться помещичьи селения. Одним из первых помещиков в регионе поселяет своих крепостных крестьян известный историк П.И. Рычков. Дешевая земля и природные богатства привлекают сюда и крупных сановников. Достаточно назвать имена графа К.А. Разумовского и А.П. Петрово-Солово. В 1785 г. башкиры Булярской волости продали земли по р. Зай «в вечное и потомственное владение» за 400 рублей А.П. Петрово-Соловову. Границы проданных земель были таковыми: начав от устья речки Ямаша, которая впадала в Зай реку, идучи вверх по реке Заю левой стороной до устья малой речки Урсалы, а оттоль, идучи вверх, по обе стороны до вершины оной, и по вершинам впадающих в тою Урсалу речку протоками и болотами, то есть идучи вверх Урсалы правой стороны, а оттоль до межи... Разумовского, оттоль же поворота и пройдя прямо сквозь лес на вершину речки Ямаша по меже господина графа Разумовского, и вниз по той речке Емашу левою стороною до устья оной, где та речка впадала в Зай реку» (33). Именно в этот период завершается в основном формирование населенных пунктов региона. Стихийное, «народное», естественное расселение отличалось настолько удачным выбором мест для жительства, что в последующие века просто не возникало необходимости в создании новых поселений. В этот же период исчезает ряд татарских населенных пунктов региона, что было связано в первую очередь с продажей своих вотчин башкирами ряда волостей русским помещикам. Так в этот период исчезли татарские деревни Бакиево и Танатарово, расположенные на р. Зай, Налим, чувашская дер. Каськи. Жители дер. Танатарово были согнаны «с покупной земли полковника Сумарокова» и вынуждены были переселиться в дер. Нижняя Мактама (34). Такая же участь постигла крещеных татар дер. Зай-Чишма, переселившихся в дер. Альметеево. На месте прежних татарских селений в это время появляются русские деревни (Аппаково, Урсала, Ямаш, Добромьш, Юсупкино, Зай-Чишма, позднее Нолинка, Каськи).

Второй этап. В течение первой половины XIX века новые селения на территории региона появляются в основном только на помещичьих землях. В это время появляются лишь дочерние селения старых поселений, или же, говоря иначе, появление этих селений связано с внутренней колонизацией региона. На юге Бугульминского уезда в это время отмечается появление однодворческих селений (однодворцы – государственные крестьяне), чьи жители переселились из центральной России (Курская губ.).

В течение XVIII в. помещики скупили у местного населения огромное количество земель. Так, в ходе Генерального межевания у корнета Андрея Герасимовича Глазова при Богословском медеплавильном заводе с деревнями в Бугульминском уезде имелось более 16460 десятин сенокосных и пашенных угодий (35). Еще более крупные земельные владения имелись у помещиков на территории региона севернее – в Мензелинском уезде. Так, у Обуховых при дер. Добромьш имелось более 6800 дес., а у генерал-лейтенанта А.И. Левашова при деревнях Бусеряк и Зай – Чишма свыше 5500 дес. Во время генерального

межевания к владениям майора И.К. Пасмурова было нарезано 24472 дес. земли (36). Центром этого огромного поместья первоначально была дер. Михайловка (позднее Старая Михайловка). Но уже в начале XIX в. возникает дер. Нижняя Михайловка с 19 дворами. Пасмуровы, к имевшимся уже крепостным крестьянам прикупают новых из разных губерний Российской империи. Накануне отмены крепостного права только в селениях Новая и Старая Михайловка во владении Алексея Николаевича Пасмурова и его сыновей насчитывалось 406 душ крепостных и 44 души дворовых крестьян (37). К этому времени уже были основаны в пасмуровских владениях деревни Березовка, Каськи (на месте бывшей чувашской деревни Каськи), Новоникольское.

Во владениях Левашовых после 1834 г. к востоку от дер. Зай-Чишма возникает небольшая дер. Комаровка (Марьино), жители которой были переселены из сельца Шуняк.

Еще три помещичьи деревни образуются на западе современного Альметьевского района. Владелец огромного поместья при Багряш-Никольском поручик И.Г. Рюмин в 1830-1840-е гг. в удаленных частях своих угодий селит часть жителей Багряш-Никольского. В этих же селениях оказались и приобретенные в других губерниях новые крепостные. В долине р. Шешма возникает дер. Ивановка (Дальняя Ивановка), а при р. Багряш – дер. Олимпиадовка. Новым поселениям, видимо, присвоили, имена хозяев – Ивана Гавриловича и Олимпиады Александровны Рюминых.

Владелец части с. Троицкое-Юсупкино П.С. Сергеев в 1840-1850-е гг. в двух верстах по р. Малыкла устроил выселок – дер. Ивановка (Верхний Юсуп, позднее Иванаевка), переведя туда часть Троицких обывателей.

Весь этот период характеризуется наплывом на территорию края русского крепостного крестьянства.

Во второй половине XIX в. появляется лишь единственный населенный пункт на территории края – деревня Кителга. Это селение возникло после 1870 г. на земле принадлежавшей Удельному ведомству. За период с 1800 по 1870-е гг. на территории края было основано всего 10 населенных пунктов, из которых 8 было с русским населением – Новая Михайловка, Каськи (Смысловка), Березовка, Комаровка, Дальняя Ивановка, Олимпиадовка, Иванаевка, Кителга, Нолинка. По одной деревне было с крещено - татарским населением – Абрамовка и одна деревня с мордовским – Васильевка. Прекращение процесса возникновения новых селений во второй половине XIX в. напрямую связано с общим кризисом общинной формы землевладения.

Третий этап. Ситуация изменилась после первой русской революции 1905 г. Погромы помещичьих усадеб и владений, кризис крестьянского хозяйства, малоземелье крестьян вынудили царское правительство пойти по пути реформ. По указу от 9 ноября 1906 г. каждый крестьянин мог выйти из общины с принадлежавшим ему на тот момент земельным наделом. В этот период на территории края образуется большое количество сравнительно небольших населенных пунктов. На территории Бугульминского уезда был основан в этот период всего лишь один поселок – Бикмурас. Объясняется это тем, что здесь не было таких огромных боярских владений как севернее. Имела место и консервативность татарского крестьянства, плохо принявшей столыпинские аграрные преобразования. Большая часть поселков в эти годы было основано при содействии Крестьянского Поземельного Банка. Крестьяне образовывали крестьянские товарищества и на паях выкупали частновладельческие земли. Поселок Бикмурас основан в 1909 г. переселенцами из Симбирской губернии (селение именуется в документах начала века как Зигангировское товарищество). В 1909 г. первые переселенцы (53 души) купили у местной помещицы Быковой В.В. 1057 дес. земли при содействии Крестьянского Поземельного Банка. При содействии того же банка в 1911 г. жители селения купили у другой помещицы - Булыгиной М.Н. 255,3 дес. земли (38).

Иначе обстояло дело на территории Мензелинского уезда, где имелось много помещичьих владений. В густонаселенных Ерсубайкинской и Акташевской волостях, в которых помещиков не было, столыпинские хутора за исключением одного случая не

появились. Лишь 8 жителей с. Бута в годы реформы в пяти верстах от села основали поселок Веселый. Зато в соседних Старо-Кашировской, Троицко-Юсупкинской и Ново-Спасской волостях, где помещичьи владения занимали огромные площади на карте уезда появилось много новых населенных пунктов.

16 поселков было основано в Старо – Кашировской волости. Все они возникли на землях, бывших прежде во владении Пасмуровых, а позднее елабужских купцов Стахеевых. Кроме сельских общин участки в частную собственность приобретали небольшие группы покупателей (товарищества) или отдельные лица. Так, в 1911 г. Смысловско – Алькинское товарищество приобрело у Торгового Дома «Григорий Стахеев и сыновья» при содействии Крестьянского Поземельного Банка 738 дес., которые были разделены на следующие участки: 1. 10 хуторских участков с долей земли 128 дес. 2. Алексеевское товарищество (16 дворов) – 154 дес. 3. Смысловско – Алькинское товарищество – 455 дес. (39).

Примерно в 1910-1912 гг. появляются поселки с русским населением Баклановка (4 двора), Васильевский (5 дворов), Каменка (6 дворов), Малиновка (5 дворов), Стахеевский 1-й (10 дворов), Стахеевский 2-й (8 дворов), Федоровский (7 дворов), Степановский (Балтаевский) близ с. Новоникольское (10 дворов), значительную часть жителей которых составляли выходцы из близлежащих русских сел.

Уроженцы дер. Каськи основали поселок Новые Каськи (3 двора), русские крестьяне соседних Ново-Шуганской и Александро-Карамалинской волостей Мензелинского уезда возле р. Ирня (Лесной Зай) образовали поселок Ново-Шуганский (Малый Шуган) из 10 дворов. Выходцы из с. Шуган селились также во вновь возникшем пос. Рябиновка (8 дворов).

Из густонаселенных татарских деревень северной части Старо-Кашировской волости на земли Стахеевых двинулся встречный поток переселенцев. Складываются небольшие татарские поселки – Усмановский (3 двора), Новый Бикасаз (9 дворов), Компас (9 дворов), Култа-Яланово (позднее Хмельная Поляна, 6 дворов), Идрисовский (8 дворов), Волошинский (10 дворов), Гильмановский (8 дворов) (40).

В Троицко – Юсупкинской волости жителями села Багряш – Никольское на своей надельной земле в 1911 г. было основано 8 поселков. Все они были небольшими. В поселке Малиновка насчитывалось 12 дворов, в Шашинке 6, в Березовке 12, Ключевке 9, в Алексеевке 9, Николаевке 9, Ипполитовке 11, в пос. Казачий Мост 10 (41). Всего за период проведения столыпинских аграрных реформ на территории края было образовано 27 поселков. Львиная доля из них была образована на территории Мензелинского уезда, в основном на землях принадлежавшим до того известным купцам и предпринимателям Стахеевым. Абсолютное большинство из них к настоящему времени исчезло в силу «бесперспективности» для верхов.

Четвертый этап. Одним из первых актов Советской власти был декрет о земле. В начале 1918 г. во всех уездах Уфимской губернии было ликвидировано помещичье землевладение. В уездах еще в начале 1918 г. на собраниях представителей сельских сходов было принято решение о взятии на учет земель местных крупных землевладельцев. Одновременно с пахотными землями, лугами, выгонами, производилась конфискация помещичьего скота, инвентаря, лесных дач. Отобранные земли и инвентарь перешли в распоряжение местных земельных комитетов и земельных отделов волостных Советов, которые потом распределяли земли и инвентарь между крестьянами на основе уравнительности. Именно с этого времени можно вести отсчет четвертого этапа. Большинство населенных пунктов было основано в эти годы на опустевших бывших частновладельческих землях. Еще в 1918 г. был основан пос. Болгар №1. В 1922-1927 гг. на бывших землях Н.И. Мазуревского были основаны поселки Юкале, Холодная Поляна, Ирекле. Немалую роль в образовании новых селений в это время играла поддержка советской властью сельскохозяйственной кооперации. Создавались коммуны, ТОЗы. Так, в 1926 г. было основано сельскохозяйственное товарищество «Социализм», неподалеку от дер.

Кульшарипово. В 1929 г. с началом сталинской коллективизации это товарищество было преобразовано в колхоз «Сабанче». Последнее наименование закрепилось за этим селением.

В целом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают нам основание говорить, что активное заселение края началось еще с конца XVII в., пик которого пришелся на первую треть XVIII в. Из 96 населенных пунктов, существующих в настоящее время в Альметьевском районе 37 было основано в этот период. В последующем (XVIII-первая половина XIX вв.) появление новых поселений было связано как с мероприятиями правительства по охране границ и обслуживанию тракта Казань-Оренбург, так и с усиленной помещичьей колонизацией края. К середине XIX в. края была уже сформирована. Появление новых населенных пунктов в период столыпинских аграрных реформ и в советский период истории региона носило в основном недолговечный характер. Большинство из них просуществовало недолго и прекратило существование.

Примечания

1. .
2. РГАДА, ф.248, оп.67, д.5959, лл.436-437об.
3. РГАДА, ф.248, оп.3, д.169, лл.121об-122.
4. Любавский М.К. Русская помещичья и заводская колонизация Башкирии в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв. // ОР РГБ, ф.364, оп.7, д.9, л.28.
5. Марсель Эхмэтжанов. Татар шэжэрэлэре. Казань, 1995. 119, 120 б.
6. Из истории с.Старое Ермаково Клявлинского района Самарской области (Публ. Д.М. Исхакова) // Из истории Альметьевского региона. Вып.1. Альметьевск, 1999.С.323.
7. РГАДА, ф.1209, оп.1, д.153, л.391.
8. ЦГИА РБ, ф.И-2, оп.1, д.6402, лл.22-28.
9. там же, ф.И-10, оп.1, д.1298, лл.45-47.
10. Южноуральский археографический сборник. Вып.2. Уфа, 1976. С.196-342.
11. ЦГИА РБ, ф.И-10, оп.1, д.1328, лл.263, 269об.
12. Башкирские родословные. Вып.1. Уфа, 2002. С.130.
13. РГАДА, ф.248, оп.3, д.110, л.228.
14. ГАСО, ф.1, оп.3, д.364, л.4.
15. ГАОО, ф.38, оп.1, д.249, лл.7-14.
16. Материалы по истории Башкирской АССР, Т.V. М., 1960.С.168.
17. Любавский М.К. Русская помещичья и заводская колонизация Башкирии в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв. // ОР РГБ, ф.364, оп.7, д.9, л.24.
18. РГАДА, ф.1355, оп.1, д.1874, л.21.
19. РГАДА, ф.1355, оп.1, д.1879, л.21об, 199об.
20. Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах. Сведения о помещичьих крестьянах. Т.2. С.-Пб., 1860. С.10-11.
21. ГАСО, ф.5, оп.26, д.226, лл.115-115об.
22. ЦГИА РБ, ф.И-336, оп.1, д.1150, л.6.
23. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912-1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914.
24. Хозяйственно-статистическое обозрение Уфимской губернии за 1911 год. Уфа, 1912.С.727.

-
- ¹ Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII – XVIII вв. – М., 1988. – С.98.
- ² РГАДА. Ф.615. Оп.1. Д.12138. Л.40.
- ³ М.К. Любавский. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв. // ОР РГБ. Ф.364. Оп.8. Д.4. Л.2.
- ⁴ Рамазанова Д.Б. Татары Восточного Закамья: их распространение, особенности говора. – Казань, 2001. – С.15
- ⁵ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.115. Л.334.
- ⁶ Там же. Ф.1209. Оп.1. Д.155. Л.197 об.
- ⁷ ЦГИА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.2585. Л.3
- ⁸ Фирсов Н.А. Иностранческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. – Казань, 1869. – С.15, 339.
- ⁹ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – Уфа, 1999. – С.92.
- ¹⁰ Ведомости земских исправников о числе тептярей и бобылей Оренбургской, Пермской и Вятской губерний, количестве принадлежавших им земель с указанием актов и прав на эти земли, спорных и общих с другими лицами владений (Публ. Б.С. Давлетбаева) // Малоизученные источники по истории Башкирии. – Уфа, 1986. – С.85–90.
- ¹¹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1329. Л.11, 12.
- ¹² Ведомости ... С.85–90.
- ¹³ РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д.334.
- ¹⁴ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1325. Л.11–14; Ф.1209. Оп.1. Д.6453. Л.979–1020; Ф.350. Оп.1. Д.146. Л.1395–1482 об.
- ¹⁵ ГАСО. Ф.1. Оп.10. Д.354. Л.49 об–50, 51 об–53, 54 об–55, 56 об–57.
- ¹⁶ Там же. Ф.1. Оп.1. Д.4490. Л.71 об–72.
- ¹⁷ Там же. Ф.1. Оп.1. Д.5870. Л.42 об–43, 64 об–65.